

НАЦИЯ

РОМАН
ИЗГОЙ

ЛЕВ ПУЧКОВ

Лев Пучков

Изгой

Серия «Нация», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319462

Лев Пучков. Изгой: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-41598-4

Аннотация

Ночное побоище, в котором насмерть сошлись молодые ребята из клуба «Патриот» и кавказские бандиты, закончилось жертвами и с той, и с другой стороны. Теперь Дима и его друзья оказались вне закона; они вынуждены скрываться, ничем не выдавая себя. Но их бунтующие сердца требуют действия, борьбы. И молодые патриоты задумывают крупную жестокую акцию, которая оборачивается еще большим, еще более страшным кровопролитием. Кажется, этому кровавому безумию не будет конца. Возможно ли примирение? Возможен ли выход из этого националистического тупика? Ответа пока нет, и противоборствующие стороны снова берутся за оружие...

Содержание

От автора	4
Глава 1	7
Глава 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Лев Пучков

Изгой

От автора

Говорят, у России женская Душа.

Я согласен с этим. Только прошу не путать душу с характером. Это разные явления.

Я не собирался никого запугивать, эпатировать и, упаси Господь, к чему-либо призывать. Мне было интересно, что может получиться, если эта поруганная и простреленная на-вылет Душа поступит несколько иначе, чем у нас на Руси принято. Не заползет в нору, чтобы в тоскливом одиночестве зализывать страшные раны, не влезет в петлю, не сойдет с ума от горя и позора – а присоединится к изгоям, отвергнутым Обществом. К бывшим законопослушным гражданам, которые выброшены из жизни и обречены на смерть – и поэтому абсолютно не стеснены в выборе способов выживания и самозащиты...

Зачем я пишу «Нацию»? Вы можете сколько угодно смеяться, но я гражданин своей страны и меня остро волнует, что может стать с ней в самое ближайшее время.

В свете заявленной обеспокоенности я пытаюсь ответить – в первую очередь для себя – на несколько актуальных во-

просов.

1) Я много лет провел на Кавказе. У себя дома кавказцы – если к ним приходишь не ночью, без автомата и не сидишь у них в зиндане – милейшие люди. Культурные, воспитанные, вежливые, чрезвычайно гостеприимные и радушные.

Вопрос: почему дети этих милейших людей ведут себя на улицах русских городов как последние ублюдки? Какая злая сила ими движет? Что заставляет их выливать тонны грязи на славян и выкладывать эту грязь в Сеть, на публичное рассмотрение?

2) Я вырос и возмужал в СССР, и что такое интернационализм, знаю не понаслышке – я был воспитан в духе интернационализма. Я понятия не имел, что такое толерантность – в этом термине просто не было нужды.

Вопрос: почему наши дети – дети интернационалистов – люто ненавидят нерусских? Почему многие из них (и число это растет день ото дня) совершают ужасные поступки в отношении неславян? То, что они делают, – это глупо, нерационально и вообще безрассудно... Но они делают это. Более того, они готовы идти в тюрьму за свои убеждения, и многие на сей момент там сидят.

Какая злая сила ими движет? Зачем они снимают на видео и фото свои деяния и выкладывают в Сеть?

3) В свете двух вышеуказанных актуальных проблем – вопрос третий (перспективный): куда могут метнуться следующие несколько поколений наших детишек, если власть и

общество по-прежнему будут делать вид, что ТАКОЙ ПРОБЛЕМЫ нет?

Некоторые события, описанные в книге, выдуманы.

Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций намеренно изменены.

Изменены также многие фамилии, встречающиеся в тексте.

Видеоролики, приведенные в книге, взяты из Интернета, где они находятся в свободном доступе.

Глава 1

- Кому встали?
- Угадай с трех раз.
- Эээ...
- Молодец, угадал.

Гадать тут нечего. Слева по борту скамейка, на ней – две едва созревшие девицы, рядышком четверо молодых хлопкоробов. Хлопкоробы наперебой ухаживают, девицы явно не прочь: зазывно смеются и охотно демонстрируют розовые коленки.

- Слушай... Может быть, не стоит?
- Пожалел, что ли?
- Да ну, при чем здесь это! Я имею в виду... эээ... Как там у нас с графиком?
- Нормально.
- Ну, я не знаю... Может быть...

Перевожу с застенчиво-гусячьего на русский: «Слышь, ты, злюка-мегера – мы по делу едем или где? Может, ну их в гузку, этих гастарбеков-таджибайтеров, время-то не резиновое!»

– Что-то выпало из памяти: когда это мы подписывали контракт с комиссией Межэтнического Целомудрия? – пришел я на помощь Феде. – Мы теперь что, с утра до вечера будем раскатывать по столице и вмешиваться во все шалав-

ско-кавказдючыи амуры?

– Ы-ы! – тихонько одобрили сидящие рядом Борман и Рома.

– Это хлопкоробы, – поправил объективный Федя. – За километр видно.

– Да просто словечко нравится, – Ленка едко хмыкнула. – Как же, сам придумал, гений этимологии – всем слушать, восхищаться и хлопать в ладоши. Верно?

– «Гений этимологии» – это зачет, – не стал спорить я. – Но суть от этого не меняется. Перефразирую: мы что теперь, будем пресекать все подряд таджикбекско-шалавские связи?

– Все подряд – нет, – вроде бы вняла голосу разума Ленка. – Нас на это чисто физически не хватит.

– Ну вот, видишь! – обрадовался я. – Вот она и поперла-то, мудрость...

– Но тех, кто попадется по ходу движения, без внимания не оставим, – Ленка приторно улыбнулась мне в верхнее зеркало, потащила из бардачка видеокамеру и скомандовала: – Юнги – к машине!

Борман с Ромой безмолвными тенями выскользнули из салона и принялись разминать суставы, кровожадно поглядывая на хлопкоробов.

Хлопкоробы на опасность отреагировали неадекватно. Вернее сказать, не отреагировали вовсе: богатырями юнги не выглядят, кроме того, они остались у машины, а к скамейке пошла дама. У хлопкоробов, если кто не в курсе, дама – су-

щество третьего разряда (первого – мужчины после 12 лет, второго – мужчины до 12), так что опасности здесь быть не может по определению.

Наведя камеру на девиц, плещущихся в потоке хлопкоробьего внимания, Ленка представилась:

– Здравствуйте, девушки. Русский молодежный канал «Антихач 111», Лена Дэ, репортер, позвольте задать вам несколько вопросов.

– Можно, – милостиво разрешил главарь хлопкоробов – рослый симпатичный юноша с едва пробивающимися усиками. – Задавай.

– Какой канал – «Антифа»? – живо уточнил хлопкороб номер два – шустрый востроглазый черныш, до крайности прыщавый, но с аномально-белозубой улыбкой. – Это который антифа – против фашист, да?

– Ну нет, дорогие мои дети дюны, так дело не пойдет, – поморщилась Ленка. – Вы что, в уши долбитесь? Я русским языком сказала: «Антихач 111». И потом – я обратилась к девушкам. Вы что – девушки?!

– Зачѐм так сказаь? – огорчился высокий. – Абидиш хочиш?

– Магу показат, какой ми дэвушки, – находчиво предложил шустрый, кивая в сторону ближайшей подворотни. – Пайдом туда – покажу! Тибѐ панравитса!

Хлопкоробы номер три-четыре до соучастия в беседе так и не снизошли: продолжали пялиться на коленки девиц и,

синхронно оттопыривая нижнюю губу, сплевывали на землю вязкую зеленую слюну.

– Еще раз ляпнешь что-то в таком же духе – в натуре станешь девушкой, – вполне серьезно пообещала Ленка. – А сейчас закройте рты, стойте ровно и не мешайте работать. Итак, девушки, первый вопрос: знаете ли вы, что для того, чтобы выйти замуж за мусульманина, вам обязательно придется менять веру?

– Чего менять? – не поняла синеглазка в ситцевом платице.

– Ислам принимать!

– А какая разница? – пожала плечами вторая девица – бледнолицая «эмочка» в джинсе с клепками, с радикально-черными волосьями и густо покрашенными глазищами. – Бога нет. Это все фикция. И все мы умрем.

– Да уж... А вы в курсе, что ислам позволяет мужчине иметь четыре жены? Если да – готовы ли вы делить своего мужчину с тремя другими женщинами?

– Четыре?! – удивилась синеглазка. – Это ж сколько ему придется работать, чтобы их содержать?

– А кто сказал, что он собирается работать? – хмыкнула Ленка. – Он будет валяться целыми днями – гашиш курить да шербет лакать, а вам вчетвером придется вкалывать с утра до ночи.

– Если богатый будет – не придется, – покачала головой «эмочка». – Вон, они все в золоте, на «Кайенах» раскатыва-

ют.

– Ну надо же... – Ленка выглядела слегка обескураженной: очевидно, рассчитывала, что перспектива отступничества и утраты индивидуальности заставит девиц призадуматься. – Ну, тогда вот вам еще информация для размышления...

Тут Ленка собралась с мыслями и залпом выпалила все прелести суровой исламской житухи, каковые, по ее мнению, должны были повергнуть девиц в состояние шока:

– Вы будете фактически собственностью своего мужа – выполнять все его прихоти и повиноваться ему во всем;

Вам придется вести затворнический образ жизни, вплоть до того, что в зависимости от региона проживания носить чадру и строгие одежды, регламентированные исламскими традициями;

Если вас застанут в одном помещении с посторонним мужчиной, вам первым делом сломают нос – как показывает практика некоторых наших звёзд;

Если вы быстро утратите привлекательность – а вы ее обязательно утратите, это уже сейчас видно, – вас просто выгонят вон, вместе со всеми вашими дочерьми, рожденными в браке. Всех мальчиков, рожденных в браке, у вас отнимут. А если попробуете качать права – вас искалечат или убьют.

– Зачем абманываищц?! – укоризненно воскликнул высокий. – Нэт такой! Сабсэм нэт!

– А! – вспомнила Ленка, великодушно игнорируя порыв высокого. – И вообще, не факт, что вас возьмут замуж, со-

всем не факт. Все ведь может быть совсем по-другому. Ну, например, знаете ли вы разницу между понятиями «мухаббат» и «вахаббит»?

– Эээ... – задумалась синеглазка. – Это... Я какую-то песню слышала...

– Вахаббит – с бородой, – компетентно выдала «эмочка». – И с автоматом. Джихад – Аллах-Акбар – Бен-Ладен. Дарго или Тандо, не помню точно, куда там хочет мальчик. Вот. А мухаббат... Это, типа, че-то с мухами связано? Или с каким-то аббатством?

– Нет, это скорее с клиникой связано. В общем, дорогие девушки, если у вас ненароком получится мухаббат с вахаббитом – иметь вас будут всем джамаатом. У них так принято: в джамаате все общее. В том числе и женщины. Это понятно? Я доходчиво объяснила? – Ленка расчетливо кивнула в сторону шустрого. – Вы морально готовы к тому, что вас будет драть дюжина вот таких задроченых тараканов?

– Пайдом, пакажу, какой ми таракан! – шустрый схватил Ленку за руку и обозначил движение в сторону указанной ранее подворотни. – Пайдом, тебе панравится!

Борман-Рома сделали шаг к скамейке и синхронно повели плечами.

– И зачем же ты, голубчик, меня за руку хватаешь? – неожиданно вполне по-бабьи запричитала Ленка. – Зачем больно жмешь, тащишь куда попало? Не боишься, что наши мужчины тебя накажут за такую грубость и дерзость?

– Это какой муштина – вот эта? – шустрый пренебрежительно ткнул пальцем в наших юнг. – Это такой щютка, да?

– Может, выйдешь, покажешься? – намекнул я. – Они не понимают опасности, думают – просто подростки, поэтому и ведут себя так развязно. Нет желания предотвратить кропролитие?

– Да пошли все... – желчно буркнул Федя. – Пусть хоть вообще поубивают к бениной маме – мне по...

– Вот мне всегда было интересно – почему чурки считают всех наших мужиков чмошниками? – Ленка легко вырвала руку, отпихнула шустрого и, отступая на пару шагов, направляя камеру на Бормана, завершила тираду: – Нет, я понимаю – чморей у нас хватает. Но ведь есть и бойцы, верно, юнги?

– Это кто – «байсы»? – удивился шустрый, поворачиваясь к юнгам. – Это вот эта – байсы?

– Нет, «эта вот эта» – твой конец! – рявкнул Борман, резво подскакивая к шустрому. – Получи, Джамшут, прописку!

Шустрый выпал с первого удара – Рома не успел добратся до высокого, Борман мгновенно переключился на зелено-слизюнных хлопкоробов под номером три-четыре и в три приема втоптал их в грунт.

Рома возился с высоким чуть дольше: паренек попался крепкий, но совсем неподготовленный, и если и провел лишние пять секунд на ногах, то лишь благодаря хорошей физической стати.

Ленка, снимавшая действо, огорченно развела руками:

– Ну и куда спешим, реактивные вы мои? Пять секунд – это что, драка? Вон, суёчки даже не успели сообразить, что по сценарию как раз визжать надо.

Точно, девчата так и сидели на скамейке, дружно разинув рты – события развивались столь стремительно, что ожидаемая реакция просто запоздала.

– За что вы их? – синеглазка всхлипнула и склонилась над корчившимся от боли высоким хлобкопарубком. – Они хорошие...

– Все – клиника, – желчно бросила Ленка, выключая камеру и направляясь к машине. – Сплошной зверинец.

– Ну что, потешила душу? – спросил я.

– Скорее растравила, – Ленка досадливо поморщилась. – В очередной раз убеждаюсь – эта страна обречена на вырождение...

– В смысле, девкам тоже выписать? – уже усевшийся в салон Борман с готовностью высунулся обратно.

– Я те выпишу! – буркнула Ленка, заводя мотор. – Совсем одичал? Да, они дуры. Но это наши дуры. Так что побереги силы, нам еще работать...

* * *

Наша штатная «работа» на сегодня – некто Хусейн. Неплохое имечко, не правда ли? К нему-то мы и едем сейчас в гости. Это юное дарование со своей бандой обосновалось

в Сквере Победившей Толерастии (если кто в Москвачкале слабо ориентируется – это почти что в самом центре столицы, возле помпезного сооружения, известного в народе как Чупол-Касы).

Ничем особенным этот Хусейн не примечателен: грабит гуляющую молодежь, подымает разовые «темы», помаленьку хулиганит – в общем, типичный мелкий проказник, как и большинство его взрослеющих соплеменников. От последних он отличается лишь тем, что делает все это в центре бывшей русской столицы и никто его не трогает: по слухам, Хусейн – родственник какого-то вельможного пройдохи, ловко скакнувшего с бараньей лужайки в высокое кресло на Старой площади. Неплохо, да? Этакое финальное па джигитовки: стартуем в высокогорном ауле, финишируем в элитном эшелоне номенклатуры – и тотчас же тащим в столицу весь свой тейп. Детишки горские нонче больно уж шаловливы, так вот, пусть они шалят где-нибудь поблизости, чтоб под присмотром-прикрытием были. А то на родине или на русской рабочей окраине убьют ненароком – и не спросят, кто там в какой позе и в каких креслах сидит и какого цвета у него «Ламборджини».

Возникает резонный вопрос: какое нам дело до этого младого чабанского дарования? С охотой отвечаю: вот нам с Федей – ровно никакого. Это Ленкина инициатива, впрочем, как и все остальные наши досуговые развлечения последних трех месяцев.

Здесь у нас все планово, никаких тебе экспромтов: в Ленином черном списке персоны по мере «отработки» постепенно вычеркиваются, так что этот крендель теперь стоит у нас на первой позиции.

Справедливости ради стоит заметить – соответствующее место в списке он занимает вполне заслуженно. В последнее время шалости этого славного парубка приобрели заведомо нездоровый подтекст: он выбирает наиболее трусоватых русских пацанов, ставит на колени и заставляет громогласно вопить «славяне – чмо!» и «Чечня рулит». Вся эта благодать, как водится, снимается на камеру и потом запускается в Интернет.

Видели мы эти ролики. Безыскусные и однообразные, сценарий всегда один и тот же: выбирают жертву, Хусейн страшным голосом орет «на колени, а то порежу!!!» и заставляет скандировать вышеуказанные лозунги.

И знаете – ничего, встают на колени и послушно скандируют.

Реакция? Нет, не то чтобы все в сторону глядят – реакция есть, но слабенькая. Вот тут у нас сетевые люди местами возмущаются – по инерции, как-то вяло, без особой экспрессии, просто потому, что вроде бы положено на такие вещи реагировать.

Кроме того, некоторые аналитики предполагают, что развлекаться таким образом Хусейн и сотоварищи могут сколь угодно долго: доморощенные спецы от юридизма (не путать

с мюридизмом, это грибы другой группы) утверждают, что криминала в этих шалостях нет. Они никого реально не режут и не бьют, а статья за ненасильственное принуждение к публичным высказываниям нейтрального характера в УК РФ отсутствует. «Славяне» – это обезличенно и расплывчато, так же как и «хачи», прямое оскорбление нации отсутствует, а «Чечня рулит» – ну так и на здоровье, пусть себе рулит куда угодно, какой здесь криминал? В общем, перспектив для судебного (а равно любого другого) преследования вроде бы нет.

Какая-либо внятная реакция широкой общественности отсутствует как явление. Наши brave «скины» и иные экстремисты по существу вопроса загадочно отмалчиваются, остальная публика в недоумении пожимает плечами: непонятно вообще, зачем злой Хусейн это делает, какого результата добивается и что (кто?) за всем этим стоит.

В общем, Ленка сверилась со списком и решила это дело подкорректировать. И теперь мы едем в гости к младому чабану-москвиту Хусейну, в его вотчинные владения в окрестностях Сквера Победившей Толерастии.

* * *

В квартале от сквера остановились, высадили Федю с юнгами. Этот момент обговаривали заранее, но сейчас Федя заканючил:

– Может, я с вами? Сзади, скромненько...

– Исключено, – покачала головой Ленка. – Если он тебя увидит, может в машину не сесть.

– Что-то мне не нравится такой расклад...

– И что тебе не нравится? – Ленка пожала плечами. – Столица, центр, полно народу.

– Ну, не знаю... В этой вашей нерусской столице постоянно всякая дрянь происходит...

– Да ладно тебе, – Ленка кивнула в мою сторону. – Я же не одна иду.

– Вот это и не нравится, – буркнул Федя. – Что-то хреново у вас получается, когда вы вдвоем куда-то ходите...

Верно подмечено. Федя, наверное, теперь до конца жизни будет напоминать мне об этом. Одно утешает: ждать недолго, если таким образом будем развлекаться и далее, конец этот наступит очень скоро.

– Короче, не переживай, все будет в пределах нормы, – пообещала Ленка. – Никаких эксцессов: «ведется» – везем, не «ведется» – резко обрываем общение, уходим. Ждите – мы быстро...

* * *

Мы припарковали машину на прилегающей к скверу улице и потратили двенадцать секунд на постановку ретроспекции «Когда-то я была женщиной». Нет, температура у меня

в норме, на работе я не пью и за системной ловлей глюков ни разу пойман не был. Просто, в самом деле, так получилось, что сосредоточенная на предстоящем разговоре Ленка на какое-то время выпала из образа и, повинувшись рефлексам, попробовала прихорошиться: заученным движением достала из сумки пудреницу, вперила в зеркальце отсутствующий взор и пару раз провела по лицу губкой (я не в курсе, как там эта девайсина у них называется – такая кругленькая губчатая подушечка).

Перехватив мой взгляд, Ленка мгновенно вернулась в роль – сердито поджала губы, бросила пудреницу в сумку и вручила мне камеру:

– Будешь работать оператором. Объект – в фокусе. Снимай меня как можно меньше, его как можно больше и работай цирковым бибизьяном – корчи деловую рожу, короче. Понятно, почему так?

Нет, непонятно – но я на всякий случай кивнул, после чего мы закрыли машину и пошли по аллее к помпезному сооружению Чупол-Касы.

Пока мы туда топаем, я в двух словах объясню, какую роль в последнее время играет наша Елена Прекрасная: а то у тех, кто знал ее ранее, может возникнуть недоумение по ряду реплик, да и вообще, по манере поведения.

Ленка старательно втискивает себя в образ бойца и отрешивается от всего женского. Джинсовый комбез на три размера больше нормы, максимально короткая стрижка (Фе-

дя ее стрижет – нехотя, сквозь слезы, в буквальном смысле из-под палки), ноль косметики, минус двенадцать кило за последние четыре месяца, осунувшееся личико, синяки под глазами, нарочитое сквернословие и постоянная физическая нагрузка наравне с мужчинами до полного изнеможения – вот такая сейчас наша красавица.

Встретил бы в апреле, ей-богу, не узнал бы. Ну все, буквально все в ней изменилось, причем отнюдь не в лучшую сторону.

Раньше Ленка смотрела на мир с ленивым превосходством – кто там копошится у моих ног, стоит ли снизойти? А теперь в ее глазах – черная пропасть, в которой отчетливо видны отблески полыхающего где-то на самом дне страшного пожара.

Любые попытки вернуть ее в привычный образ женщины неизменно терпят фиаско – она просто посылает всех открытым текстом и вполне истерично орет, что никому не позволит вмешиваться в свою личную жизнь.

Ладно, будет время, я вам расскажу еще кое-что об этой неприятной метаморфозе, а сейчас вернемся к «работе» – мы уже почти на месте.

Наслаждаться видами этого сквера мне доводилось бог знает как давно, уже и не скажу сейчас, сколько лет назад, но был я тогда ребенком, а страдающий припадками гигантомании Зураб здесь еще не отметился, это я помню совершенно отчетливо. А поскольку в недавнем прошлом я доволь-

но много времени изучал достопримечательности столицы по значным местам, где имеют обыкновение массово пастись вот эти самые приснопамятные кавказдюки, у меня под влиянием всего вышеизложенного созрело очень даже превратное представление, подогретое Ленкиными экспрессивными рассказнями.

Виделось мне, что в совершенно пустом сквере будет сидеть на лавке под балдахином этот злой Хусейн (не факт, что в чалме и с автоматом – но отчасти такой вариант тоже рассматривался), а вокруг него выстроится в почетном каре целый взвод кавказдючьих спортсменов. Подступы к лавке просматриваются на километр, мы медленно идем туда...

И – гробовая тишина.

Ну и, чего греха таить, одолевали меня сомнения. Как все получится? Справимся мы, удастся выманить врага из логова или нет?

Если оконфузимся и придется удирать с позором – ладно, это еще полбеды. Но ведь может сложиться и так, что мы отсюда вообще не уйдем живыми. Или, не дай бог, получится как в тот раз в парке. Знаю, что звучит это глупо и патетично, но «парковый» вариант – он хуже смерти. Второго такого позора я не вынесу: если не убьют, сам вскроюсь, как только смогу двигаться...

Оказалось, я был неправ. То ли парковый синдром сыграл со мной злую шутку, то ли богатое воображение, но на деле все было отнюдь не так печально, как расписывали Ленка с

Лехой.

В сквере было по-субботному многолюдно, публика гуляла: молодежь, туристы, коррумпированные милиционеры – пару нарядов я заметил. И вообще, было тут празднично, весело и совсем не страшно: музыка играла, люди болтали и смеялись, традиционно несло агрессивным ароматом нерусской етбы – шаурмой и шашлыками, не хочешь, а слопаешь с голодухи.

Кавказдюки – да, были, группками по три-четыре человека, причем в зоне видимости друг друга – это я уже умею отличать, научился от Феди. То есть вроде бы и нет явной массовки, но если вдруг что – только свистни, моментом набегут табуном и затопчут. Насчет «раствориться в толпе» – это они правильно придумали, так что с первого взгляда и не заметно.

Но если присмотреться как следует – даже и безо всякого опыта наблюдения, – видно, что их тут хватает. И нетрудно сделать вывод, кто «держит» это место и как поведут себя наряды милиции, если мы своими неловкими телодвижениями спровоцируем конфронтацию.

Погуляв по скверу и присмотревшись к публике, мы по ходу дела заметили «пресс» и повседневную «работу»: кавказдюки жали в углы пацанов и отбирали деньгу. Тихо, грамотно, без скандалов и каких-либо мотивационных изысков, все тут было обставлено в соответствии с детской межрайонной логикой: хочешь гулять по нашей территории – пла-

ти дань. Много не просим, до нитки не обираем, но платить надо – так принято везде.

Короче, грабеж среди бела дня. Милицейские наряды, сами понимаете, – ноль внимания. Если кто-то не понял юмора насчет коррумпированной милиции, говорю прямым текстом – это отнюдь не юмор, а суровая реальность. Думаю, не надо напоминать, что без подобной спайки вот такой бизнес невозможен в принципе.

Хусейна мы отыскиали довольно скоро, но узнали не сразу: таких, как он, там было сразу четверо – крепких, невысоких, коренастых и практически одинаково одетых. Они решали какие-то вопросы с иностранцами: то ли разводили на все подряд, то ли просто общались – нам понадобилось некоторое время, чтобы произвести идентификацию (до этого мы его видели только в роликах и на смазанных фото).

Мы подошли поближе, встали сбоку и стали демонстративно ждать. Ну и ничего там звероподобного, вблизи – вполне нормальный парень, приятное лицо, широко расставленные глаза, курчавый, по типуажу – скорее итальянец, нежели кавказец. Одет в джинсы, темно-синюю футболку, бейсболку в тон. Другие трое джигитов, что были с ним, одеты так же – наверное, это у них униформа. Второстепенная экипировка тоже у всех однотипная: на шее цепь, на руке дорогие часы, на поясе борсетка.

Хусейн отметил наше присутствие, живо отреагировал:
– Вы ко мне?

– Вы Хусейн?

– Да.

– Тогда к вам.

– Погодите, я сейчас освобожусь...

Ух ты, начальник! Персона, тоже мне.

Свита – джигиты, что были с ним, наскоро просканировали нас взглядами и утратили интерес: я – дрищ (нет, я не склонен к самобичеванию – это в соответствии с гусячьей классификацией типов), а Ленка – отнюдь не секси.

Хусейн быстро свернул общение и распрощался с иностранцами.

– Итак, я вас слушаю. Кстати, откуда вы меня знаете?

– А кто вас здесь не знает?

– Тоже верно. Вы кто? Чего надо?

– Молодежный канал «Антихач 111», Лена Дэ, репортер, – Ленка завела привычную шарманку. – Мы хотим пригласить вас на передачу...

– Антифа? – перебил Хусейн и жестом велел мне опустить камеру. – Знаете, у меня к вам претензии! Ты погоди, пока не снимай – я скажу, когда можно будет.

Ленка кивнула мне – я послушно опустил камеру.

– Хорошо, – наша покладистость была принята одобрительно. – Нет, претензии не лично к вам двоим, а ко всему вашему движению. Вы как-то пассивно – со «скинами». Что они у вас распоясались, никакой работы не ведете! Вот смотрите – три дня назад в электричке... Кстати – теперь мо-

жешь снимать, я там скажу умные вещи...

Тут Хусейн поднатужился и выдал на-гора едва ли не месячную сводку известных происшествий, так или иначе связанных со скинхедами и прочими злыми славянами, которые неровно дышат в сторону кавказдючьего сословия.

Ленка – двуличная сволочь – не стала поправлять, как хлопкоробов давеча, кивала послушно, ждала, когда же оно изольется. Оно повелось, излилось и, похоже, привело само себя в прекрасное расположение духа. Как же – слушают, кивают, внимают всеми фибрами. Уважают, однако!

Меня эта нотация изрядно взбодрила: страх прошел, вернулась ирония и – злость, в первую очередь на себя, малахольного.

Тебя, дрищ ты наш впечатлительный, после Руслана никто из этой публики пугать уже не должен. Пора бы запомнить это, зарубить на носу и больше не впадать в панику по поводу и без. Руслан, да примет Аллах его шахаду (это я на одном вражьем сайте прочел – так они говорят про своих павших героев), так задрал планку, что никому из этих неандертальцев никогда не допрыгнуть, пусть хоть наизнанку вывернут-ся. Потому что тип, наделенный такой невероятной злобностью, харизмой и силой, встречается крайне редко, не всем и не в каждом столетии. Это, если хотите, анти-Федя. То есть тот же Федя – возможно, даже здоровее и круче, только с вражьей стороны.

Так вот, этого «анти» я собственноручно пристрелил на

одной замечательной полянке, без сомнений и душевных содроганий – как бешеного пса. То есть, по идее, как трактуют некоторые сомнительные аспекты дзена, я убил вместе с ним свой страх. Надо бы это запомнить и внушить себе, потому что пока, в самом деле, только по идее...

Когда Хусейн наконец-то иссяк, Ленка приторно улыбнулась и сообщила:

– Здесь неподалеку монтируется передача «Проблемы кавказской молодежи в русской столице». Мы выбираем наиболее отличившихся представителей этой самой молодежи и даем им высказываться по существу вопроса. Не желаете ли поучаствовать?

– А это где? – живо заинтересовался Хусейн.

– В офисе. Десять минут пешком или две – на машине. Тут рядышком.

– Это надолго?

– Да как пожелаете. В принципе, хотелось бы обсудить одну основную проблему, но если захотите, можете высказаться по любому вопросу, который вас волнует или кажется вам жизненно важным.

– А что это за передача? Это сразу эфир, да?

– Нет, это монтаж, – терпеливо напомнила Ленка. – То есть можно посмотреть результат, если что-то не понравится – подредактировать, поправить...

– Я знаю, что такое монтаж...

Хусейн подумал маленько, посмотрел на меня – дрищ

(еще раз: это не самобичевание, просто это легко читается во взгляде), на Ленку – нет, отнюдь не бомба, на часы – времени полно, все равно заняться нечем...

– Ладно, поехали. Кого-то еще взять с собой?

– Только без обид... – Ленка одарила своей фирменной приторной улыбкой свиту Хусейна. – Все, кто рядом с вами, вне всякого сомнения, заслуживают всяческого уважения, но... публику, увы, интересует только ваше личное мнение. Вы, если вы не в курсе, в некотором роде звезда, так что...

– Да я в курсе, – Хусейн мудро хлопнул ресницами. – Я знаю. Так что, пацаны, давайте тут пока сами – у меня съемка...

* * *

Как поведут себя большинство нормальных людей, оказавшись вместо обещанного офиса в проходном дворе, да еще и под прицелом у здорового злого мужика? Думаю, как минимум испугаются и вступят со злыднем в конструктивный диалог на тему «Забирай что хочешь и спокойно уходи – геройствовать никто не будет».

На ствол и прилагающегося к нему Федю Хусейн отреагировал как на неизбежное, но вполне привычное зло.

Зато на Ленку от всей души обиделся:

– Это что, вот такие «Проблемы кавказской молодежи»,

да? Значит, все это ложь и провокация?!

– Нет, это все правда! – возмутилась Ленка. – Проблема действительно есть, причем глобальная. Молодежь какая? Кавказская. Какого хрена она делает в русской столице? Почему она не у себя дома, где работы не впрокорот? А проблема даже не в том, что она тут находится, а в том, что именно она делает в русской столице. Если бы она трудилась, прилежно училась, вела себя культурно и, вообще, не вредила – вопрос о пользе, заметь, даже не стоит – добро пожаловать! Но она, эта кавказская молодежь, занимается в основном тем же, чем и ты: грабит, хулиганит и глумится. Поэтому – проблема есть, и очень большая...

– Да-а-а, вот это ты меня развела, красавица, – огорченно покачал головой Хусейн. – Я-то думал, точняк снимать будут...

– Снимать будут точняк, – пообещал Федя. – Смотри сюда: ствол не травматический.

– Да понял уже, понял, не дурак, – бесстрашно пробурчал Хусейн. – Че делать-то? Че, вообще, вам надо?

– Снимай борсетку, выворачивай карманы.

В вышеуказанных местах у нашего гостя, помимо всего прочего, обнаружился травматический пистолет «Оса» и тяжелый складной нож с фиксатором. Что поделать, клиенты у нас такие – хлебом не корми, дай железо потаскать.

– Ребята, мне вас жалко, – посочувствовал нам Хусейн. – Вы даже представить себе не можете, что теперь с вами бу-

дет!

– С нами – да, это вопрос открытый, – Ленка стала осматриваться, выбирая место, откуда будет удобнее снимать. – А вот ты сейчас выступишь в роли груши для битья – коротко, но ярко. И через час ролик с этой благодатью будет висеть в Сети.

– Да кто бы сомневался! – зло усмехнулся Хусейн, втихари принимаясь разминать плечи. – Насчет толпой помесить нашего брата вы всегда были мастера, тут вам равных нет. Вы «скины», да?

– Толпой тебя никто окучивать не будет, – успокоил Федя. – Будет чисто фэйр-плей. Ты будешь драться один на один. С Борманом.

Хусейн заметно вздрогнул: имя Бормана на слуху, как и наши, – Ленкина заслуга.

– А ты, значит, Федя? – во взоре нашего гостя проснулось трагическое понимание.

– Угадал.

– Вы что... Валить меня будете?

А вот это уже было сказано без всякой бравады, вопрос прозвучал вполне животрепещуще и с характерной хрипотцой.

– Ты каким местом слушал? Никто тебя валить не собирается. Ты будешь драться.

– Драться – понятно... А в чем фишка? Зачем все это?

Нет, ни фига ему не понятно – он теряется в догадках,

зачем мы его сюда привезли.

– Объясни, – кивнул мне Федя.

– Ты там давеча трещал: русские – чмо, нация рабов и алкоголиков. Ролики писал, славян на колени ставил и так далее. Так вот: сейчас ты ответишь за свои слова, – деловито пояснил я. – Борман – ученик одиннадцатого класса. Не имеет никаких разрядов и званий. Ты будешь с ним драться. Правил нет. Биться будете до нокаута либо сдачи.

– И че потом?

– Когда он тебя сделает, придется взять свои слова обратно. Скажешь: я был неправ, как раз таки кавказдюки – чмо, а славяне рулят.

– Так... А если я его уделаю?

– Прессовать тебя никто не будет, – пообещал Федя. – Если так – получается, ты все правильно трещал.

– И че, вы, типа того, вот так просто меня отпустите?

– Конечно, – кивнул Федя. – Положишь Бормана – свободен. Ролик с боем в любом случае в Сеть выложим, скажем – да, правильно ты говорил.

– Да ладно!

– Слово.

– Ну...

– Но только смотри: если Борман тебя сделает, придется забрать слова обратно, – напомнил я.

– Понял, понял.

– Не просто забрать, а повторить все буквально наоборот:

сказать, что кавказдюки – чмо, а славяне рулят.

– Да не вопрос! – во взоре Хусейна сверкнула затаенная усмешка. – Если победит – скажу.

– Слово? – уточнил Федя.

– Слово, – уверенно кивнул Хусейн.

– Ну все, быстро разминайтесь – и погнали.

Хусейн крепок, здоров и проворен, к тому же раза в полтора тяжелее Бормана. Он КМС по греко-римской, да и «ударная» у него поставлена, насколько я могу судить по тому, что нахватался за последние три месяца от наших фанатов рукопашки. Нет, как наш «объект» бьется живьем, я до сего момента не видел, но есть несколько роликов, где он дерется на улице (да-да, у нас все как у настоящих – Федя готовил братца для принципиального боя, добыли по противнику буквально все, что можно), если это не постановка, то получается довольно ловко.

В общем, его уверенность в победе вполне обоснованна: Борман, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, не более чем знаменитый сетевой персонаж, а вот фигурой не вышел – богатырем наш парень отнюдь не выглядит.

– Готовы?

– Да!

– Ну все, погнали.

Хусейн вошел в бой без рисовки, грубо и напористо: без подготовки пробил серию, ни разу не попал, с ходу обозлился и, присев в низкой стойке, стремительным тараном бро-

сился на Бормана, намереваясь смести его в партер, либо произвести свой коронный поясной захват и раздавить художного негодяя в стальных объятиях.

Зря он так: надо было, наверное, хотя бы минуту погонять, прощупать противника.

Борман играть был не расположен – вопрос, как видите, очень принципиальный, поэтому работал жестко и без затей: молниеносно отскочил, высоко выбрасывая колено навстречу, и, не дослушав ужасного звука намертво сминаемой переносицы, со всей дури добавил локтем в лицо.

Все – финал.

На Хусейна было страшно смотреть. Он лежал на спине, задыхаясь от ярости и боли, лицо обезображено, кровяща хлещет – зрелище, скажу я вам, крайне неприглядное: меня в какой-то момент даже на неприязнь к Борману проперло – понятно, что надо наказывать, но не так же!

Во взгляде Хусейна читалось безразмерное недоумение: вот ни фиги себе, и как же такое вышло?! Это что у вас за доходяга такой реактивный?!

– Давай – как договаривались, – Ленка подошла поближе, присела, взяла лицо Хусейна крупным планом. – Кавказдюки – кто?

– Нахxxx... – гнусаво просипел Хусейн. – Идитя... нахх...

– Э, ты слово дал! – напомнил Федя.

– Ппляя... – Хусейн закрыл глаза и принялся осторожно трогать разможенный нос. – Фы чче стелали, тффари...

– Нет, я понимаю твоё состояние, но ты что, хочешь на всю Сеть прослыть фуфлогоном? – вмешался я. – Мы это быстро устроим: через час вся Москва будет знать, что слову твоему – грош цена. Давай, быстренько заberi слова обратно, и мы от тебя отстанем. Если термин подзабыл, я напомню: кав-каз-дю– ки!

– Кафффкасстюки ччто, – Хусейн выплюнул кровавой сгусток и обреченно вздохнул. – Слаффяне – рулят... И ффызовите ушше мне «Скорую»...

– Снято, – констатировала Ленка, выключая камеру.

– Ну вот, видишь, как все просто, – похвалил Федя. – Молодец, потихоньку постигаешь истину. Еще немного – и на завод пойдешь. А там, глядишь, и домой захочется...

* * *

Возле кафе «Ушибленный Поэт» стоянка отсутствует как явление, поэтому машину припарковали на обочине, а Борман-Рому оставили сторожить и наблюдать за обстановкой.

– Опять мы в пролете, – грустно заметил Борман.

– Я вам пирожные с колой принесу, – пообещала Ленка. – Пицца здесь плохая, к кофе вы равнодушны, так что ничего не теряете.

– Ладно, – приободрился Борман. – Если есть что выбирать, хорошо бы – эклеры, и не с белком, а с маслом.

– Да, с маслом лучше, – поддержал Рома, метнув флюид

затаенной укоризны в сторону Феди. – Нам надо массу наедать, а то от бега скоро совсем высохнем...

Вот этот долбанутый «Поэт» – не что иное, как молодежная забегаловка. Кормят здесь невкусно, но дешево, а в противовес подают вполне приличный кофе и съедобные пирожные. Вдобавок ко всему со второго этажа открывается прекрасный вид на Большую Сунжу (до недавнего времени известную как Москва-река). Все это привлекает московскую молодежь, так что по выходным здесь полно народу.

Мы уже не совсем молодежь и тем более не московская. И чего, спрашивается, приперлись? А у нас здесь деловая встреча с Народным Ополчением, или попросту – с Лехой.

Поднявшись на открытую террасу, мы протиснулись сквозь плотное скопление жующе-кофеинствующей и агрессивно курящей публики и сели под навесом в дальнем углу.

– Слышь ты, стратег, – буркнул Федя, недовольно осматриваясь и морщась от дыма. – Мы здесь уже третий раз... Не боишься засветиться?

– Все продумано, – важно приосанился Леха. – Работаем по графику.

– Ну-ну... – Федя, то ли желая поддеть Леху, то ли подыгрывая ему, уточнил: – Хвостов не привел?

– Все чисто, я проверялся, – заверил Леха. – Можете расслабиться, здесь вам ничего не угрожает. Вы же знаете: когда этим занимаюсь я – я занимаюсь этим основательно и скрупулезно.

– Гхм-кхм... Ну да, мы знаем...

Леха обожает конспиративные игры. Место встречи объявляет в самый последний момент, массу времени тратит на обследование прилегающей территории с целью выявления «засады-подставы-прослушки», в процессе общения с нами настороженно озирается и подолгу задерживает взгляд на кажущихся ему подозрительными субъектах.

Федя меня по этому поводу давным-давно просветил: если нами будут заниматься спецы – наблюдения мы не заметим. Так что все эти Лехины телодвижения не имеют никакой смысловой нагрузки. Мы, однако, не одергиваем его: товарищ полезный, регулярно снабжает деньгами – пусть и небольшими, так что пусть себе и дальше резвится на здоровье. Думаю, вы согласитесь со мной: каждый имеет право на индивидуальный подвывих, коль скоро это не причиняет окружающим неудобств. А уж природа подвывиха – дело сугубо личное. Одни могут часами восхищаться формой плавников *Clupeonella cultriventris*¹ или корявым профилем достославного негодяя на старинной марке, а другие впадают в эйфорию от встреч с находящимися в розыске особо опасными преступниками и черпают вдохновение в тайной деятельности, направленной на воплощение в жизнь неких утопических идей с выраженным национальным подтекстом.

– Что будете? – Леха, не переставая сканировать террасу пронзительным взглядом, раскрыл меню.

¹ Килька (лаб.).

– Как обычно: людям пицца с кофе, детям – пирожные, – Ленка отняла меню, передала его Феде и достала из сумки камеру. – Думаю, они и без тебя угадают, какая пицца сегодня съедобная. Двигайся ближе, покажу, что мы наснима-
ли...

Пока мы с Федей посредством анализа списка ингредиентов решаем шараду, какая из двенадцати заявленных в меню пицц наименее разрушительна для организма, а Ленка с Лехой смотрят арт-хаус, я, с вашего позволения, прокомментирую некоторые нюансы. А то мне неловко: возможно, кое-кто из публики может подумать, что все эти рейды по паркам, лекции о теории нравственности и прочая псевдомиссионерская активность – моя личная инициатива. Нет, я не отрицаю: моя вина в этом тоже есть, но весьма опосредованная.

Я всего лишь познакомил Ленку с Лехой. А дальше они – сами. И однозначно относить мой проступок к разряду глупостей тоже нельзя: еще неизвестно, что стало бы с Ленкой, если бы она не посвятила себя всей этой непродуктивной мышинной возне. Вполне возможно, сошла бы с ума. Или сотворила бы что-то страшное из серии «пластит-мечеть – курбан-байрам». Горит в ней неведомый огонь, негасимое пламя, зажженное не по ее воле в один проклятый майский день – полыхает без устали, сжирая ее изнутри и больно опалая тех, кто находится рядом. И если этому пламени не давать выхода, никто не застрахован от спонтанных взрывов разной

степени тяжести.

Леха мониторит Сеть, следит за вражьей активностью и подыскивает для Ленки материал. Ленка выбирает приглянувшиеся ей темы и организует «репортажи». Не зря ведь на журфаке училась.

Правда, деятельность ее от стандартной работы репортера несколько отличается. Она не просто фиксирует события и доносит их до зрителя. Она эти события провоцирует сама. И, надо заметить, получает от этого немалое моральное удовлетворение.

Следует отдать ей должное – к репортажам она готовится вдумчиво и основательно, старается учитывать специфику нашего положения и характер контингента, с которым приходится работать. Но по ряду объективных причин у нас регулярно случаются экспромты. Типа последнего диспута о нравственности из серии «мухаббат-ваххабит».

Помимо съемок «живой натуры», Ленка пишет статьи о нашей деятельности, злонамеренно при этом гиперболизируя (короче, врет и не краснеет). И нещадно пиарит нас как народных мстителей, русских былинных богатырей и патологических робин-гудов местечкового разлива. Эти статейки Леха редактирует в сторону реализма и размещает на разных ресурсах.

Вот такой славный получился тандем – с моей легкой руки.

Самое страшное – что нам за это платят деньги. Или, мо-

жет быть, самое страшное, что мы эти деньги берем? Не знаю, короче, но Леха считает, что раз мы изгой, то обязательно должны нуждаться в деньгах. В принципе, деньги у нас есть, не бог весть какие, но на жизнь хватает (как мы зарабатываем, расскажу позже). Но мы не спешим разубеждать Леху и благосклонно позволяем ему оказывать нам финансовую поддержку. Насколько мы успели разобраться, для Лехи все эти шпионства, сетевая активность и протестные формы деятельности составляют смысл жизни. Ну так и зачем отнимать у человека этот смысл? Пусть себе и дальше развлекается, хуже от этого никому не будет.

Да, надо уточнить: сам по себе Леха – камрад с весьма средним достатком, а деньги нам платит РСС (Русское Сетевое Сопротивление). Это разные люди – в основном студенты, офисная молодежь, великовозрастные инфанты, сидящие до тридцати и далее на шее родителей, и прочие регулярные обитатели Сети, которым не нравится сложившийся порядок вещей. В силу слабой организованности и трусости на какие-либо активные действия – даже разового характера – против устоявшейся Системы они не решаются, но готовы платить изгоям и поддерживать их морально. В общем, негласные члены этого сообщества регулярно перечисляют на Лехины «веб-кошельки» небольшие суммы. Почти все эти деньги Леха отдает нам, а перед РСС отчитывается нашими видеозарисовками и Ленкиными пламенными статьями. И все получают от этого пользу: Ленка отчасти га-

сит сжирающее ее пламя, Леха тешит свою заговорщицкую сущность, а сетевые псевдофронтеры получают некую видимость борьбы против порочной Системы.

В общем, все довольны. Все, кроме нас с Федей.

Мы считаем, что вся эта борьба – не более чем ИКД (имитация кипучей деятельности) и мышинная возня, воспринимаемая Системой даже не как комариные укусы, а как низшей степени назойливости променада последних осенних мух, вялых и медлительных, уже даже не жужжащих, а просто по инерции летающих по кругу в силу заложенного в них Природой-Матерью механизма выживания.

Прошу понимать правильно: мы не против борьбы как таковой. Но борьба должна быть конструктивной и давать хотя бы минимальные результаты. В противном случае это не борьба и вовсе не сопротивление, а просто Несогласие, с которым каждый из участников РСС волен поступить по своему усмотрению. Хочешь – гордо носи его как знамя – Системе это совершенно по тулумбасу, хочешь – отправь по почте другу с разноцветной открыткой Яндексa. А лучше всего – затискай себе в самые потаенные глубины организма, возвращайся в свой теплый офис и продолжай прилежно вкалывать на Систему, с который ты так круто не согласен.

Предвижу вопрос: зачем в таком случае мы всем этим занимаемся?

Отвечаю: вы не поверите, но нашего согласия никто и не спрашивает.

У нас тут есть неуправляемая бомба замедленного действия под названием «Лена-мщу-всем-подряд», так вот, она рулит во всех отношениях. И машиной – это ее машина, точнее, ее родителей, и процессом, и нами заодно.

Почему так получается (нет, не надо ухмыляться – и во все мы не подкаблучники, просто так получается), мы выясним по ходу повествования. А сейчас самое время вернуться на мастерски задымленную террасу «Ушибленного Поэта» – нам принесли некое подобие пиццы, а Ленка с Лехой с минуты на минуту закончат просмотр материала.

Под пиццу обсудили сюжеты. Леха нашел, что в домашнем задании «народ против кавказдюков» резать ничего не надо, все там органично и к месту – даже левые Хусейнячи реплики и собственно момент приглашения.

Ленка возразила: все места, где она мелькает, надо обязательно убрать. Леха спорить не стал, он в курсе Ленкиного пунктика.

Пунктик такой: Ленка старается не попадать в кадр.

Голос за кадром – это пожалуйста, а картинку – не надо. Делает она это вовсе не из-за опасения за свою жизнь, а в угоду здоровой целесообразности. По ее утверждению (и в этом есть рациональное зерно) – неузнанная, она будет гораздо более полезна общему делу, чем опознанная всеми подряд и намертво привязанная к нам визуальной цепью.

Экспромт Леха тоже взял, но, посоветовавшись с Ленкой, решил избивание хлопкоробов потереть. Ввиду слабой мотивации

вации оно как-то совсем необубедительно и даже жестоко, да и в формате высоконравственного диспута совсем не смотрится. Короче, это лишнее.

Вот такие двуличные сволочи. Что ложится в строку – покажем. Что не нравится – обрежем.

– Кстати, – вспомнил Леха, без энтузиазма дожевывая свою пищу, – все забываю спросить: что это за «Антихач 111»? Почему не знаю? Это в самом деле есть такой канал?

– Пока нет, – Ленка доверительно подмигнула Лехе. – Но наверняка скоро будет.

– А, ну я так и понял, – Леха мудро кивнул. – А почему «111»?

– Три единицы, – терпеливо пояснила Ленка. – Общеизвестный постулат – триединая сущность интернационализма.

– Эээ...

– Ну ты тупица! Один вопрос. Одна секунда на размышление. Один ответ.

– А какой вопрос?

– «Нужны ли русским хачи?»

– Хороший вопрос! – с энтузиазмом одобрил Леха. – Очень актуальный, знаете ли. С ответом тоже все ясно. Не понял только: зачем секунда на размышление?

– Ну, это если респондент будет пьян. Чтобы было время собраться с мыслями.

– Понятно... Ну все, значит, так и определимся, – Леха

важно кашлянул и приосанился. – Загоняю материал на три ресурса здесь, как статья будет готова – в блоги и на «Родина уже не зовет». Это тот самый австралийский филиал нашего движения – я говорил...

Леха напоминает об этом на каждой встрече – но сейчас мы дежурно-благодарно округлили глаза и со значением покачали головами. Да-да, не извольте сомневаться, камрад Леха: мы прониклись – это международный уровень, ни больше ни меньше. Мы в курсе, что в Австралии есть славяне, они по большей части заимообразно ненавидят «муслимов», и среди них, как водится, нашлось немало бездельников, которые всеми фибрами души поддерживают ваше великое Несогласие.

Догрызли пиццу, выпили кофе – все, деловой обед подошел к концу. Уже собрались было откланяться, но тут Леха, секретно сверкая глазами, выдал:

– Тут одна идея есть...

– Может, как-нибудь в другой раз? – деликатно рыгнул в ладошку Федя.

– Да, конечно – в другой так в другой, – Леха мгновенно обрел несчастный вид. – А идея – просто мега. Бомба. Просто – супер. Но если в другой...

– А чего откладывать? – заинтересовалась Ленка. – Давай, делись. Что там за идея?

– Нет-нет, надо все «пробить», довести до ума, упорядочить схему... – Леха быстренько принял донельзя интриган-

ский вид. – Сегодня вечером буду звонить людям, уточнять, потом уже, когда все устаканится – скажу. А пока...

– Нет, ну хотя бы в общих чертах?

– Да нет, в общих – это не то. Тут конкретика нужна, так что... У вас завтра – как?

– Завтра – заняты, – обиженно заявила Ленка. – У нас с утра интервью. В одиннадцать часов. Так что можешь все свои секреты свернуть в трубочку и ...

– Погоди – а с кем интервью? – насторожился Леха. – Мы вроде бы ничего такого не планировали...

– Глупыш. Интервью берем не мы, – Ленка величаво-снисходительно вздернула подбородок. – Интервью берут у нас. Разницу улавливаешь?

Мы с Федей синхронно хлопнули глазами и переглянулись.

Ух ты, вот это новость! И не самая приятная, скажу я вам.

Ну-ка, вспоминайте, когда у преступников берут интервью? Если кто запомнил, я подскажу: в основном это происходит в двух ситуациях: либо после поимки, либо когда они захватили толпу заложников и укрылись в каком-нибудь ДК или высотном отеле, где имеют обыкновение шлаться всякие посторонние крепкие орешки и прочие псевдопродукты для мозгов.

В связи с этим очень хотелось бы узнать, что там у нас завтра по графику: сдача властям или захват заложников?

Я многозначительно кашлянул – Ленка досадливо помор-

щилась в мою сторону и дернула плечиком: типа не встречай, все доведу позже.

– Ну а после интервью? – не сдавался Леха.

– Да не знаю я, когда все кончится! – продолжала ломаться Ленка. – Может, это будет быстро, а может, наоборот, растянется. Понимаешь, специфика данного мероприятия такова, что никогда заранее нельзя предугадать, как все сложится...

– Короче, давай так: я позвоню ровно в полдень, – быстро нашелся Леха. – Если получится так, что вы к тому моменту управитесь, а у меня все уже будет готово – надо обязательно пересечься. Просто кровь из носу – дело такое, что вы даже представить себе не можете, что за дело...

– Ну, шпион, заинтриговал! – сдалась Ленка. – Ладно, давай так: я тебе сразу после интервью сама позвоню.

– Хорошо, – кивнул Леха. – А где будет интервью?

– А вот это тебе знать не обязательно, – Ленка надменно оттопырила нижнюю губу. – Ты ничего не забыл про нас? Ты на фига такие вопросы задаешь?

– Нет-нет, я же не адрес спрашиваю! – всполошился Леха. – Ты уж совсем за идиота меня не держи – неужели я не понимаю?! Но мне надо хотя бы приблизительно – ну, район, что ли... Мне ж надо подобрать место встречи, проверить там все, посмотреть...

– Ну, коли так – ладно. Это примерно в районе Клыкастого Бульвара.

– А, понял, – Леха разулыбался и подмигнул. – Я даже

могу примерно назвать компанию, которая будет брать у вас интервью.

– Компания здесь совсем ни при чем, – покачала головой Ленка. – Это личная инициатива одного хорошего человека. Человек изрядно рискует. Так что это не должно нигде прозвучать...

– Все будет нормально, не волнуйтесь. Вы же меня знаете. Насчет места – понял, буду планировать. Минутку подождите, я сейчас...

Леха прогулялся к выходу, постоял с полминуты у перил, покрутил головой, придирчиво озирая окрестности, вернулся и доложил без малейшего намека на иронию:

– Все чисто. Можете спокойно уходить. Я рассчитаюсь.

Мы распрощались с нашим конспиративно озабоченным агентом влияния и двинули на выход. Все, надеюсь, на сегодня лимит приключений исчерпан.

Кстати, чуть не забыл!

Для тех, кто не в курсе: да, это понятно, что Леха – ма-няк-заговорщик по жизни, но надо заметить, что его опасения в некоторой степени обоснованны.

Помните, мы упоминали про эйфорию от общения с преступниками? Так вот, преступники – это не какие-то там абстрактные личности или сетевые персонажи.

Это мы.

Нет, мы не крали сельдь из сельпо и к злостному уклонению от алиментов имеем самое отдаленное отношение.

Мы с Федей – в федеральном розыске за массовое убийство.

Для правильных мальчиков сразу поясняю: нет, это не судебная ошибка и не оговор. Мы действительно повинны в том, за что нас разыскивают.

Можно еще добавить, что, помимо правоохранительных органов, нас ищут девять кавказских родовых общин (тейпов), и за наши головы обещана весьма внушительная сумма в европейских рублях.

Вот такие, братцы, дела...

Глава 2

В этом эпизоде движения по сюжету не будет. Для тех, кто с нами не знаком, я кратко доведу, кто мы такие и как доказались до жизни такой. А тем, кто не в курсе, каким образом обустроен быт числящихся в розыске преступников, поведаю, как мы к этой самой жизни приспособились. Если вы не относитесь ни к одной из вышеперечисленных категорий – то есть все про нас знаете и имеете представление, как живут преступные негодяи, можете смело перевернуть следующие несколько страниц и читать дальше. Ничего не потеряете.

Зовут меня Дмитрий Эдуардович Добросердов, мне двадцать шесть лет, до недавнего времени я был учителем истории и географии в средней школе города Аммиачинска, что располагается в сорока километрах от Москвы.

Если вы поклонник советской фантастики, то мой личный портрет можно втиснуть в хрестоматийное определение: птица Говорун. Если не поклонник, добавлю – этот птиц отличается умом и сообразительностью, ну и, как следует из названия, отнюдь не дурак насчет поболтать по поводу и без.

Драться я не умею и не люблю, физически развит слабо, но в настоящий момент работаю над этим. Курить бросил три месяца назад, тогда же прекратил системно потреблять пиво и теперь пью его довольно редко. Если сравнить с тем,

что было раньше, вполне закономерно напрашивается вывод: я, ребята, практически завязал с выпивкой.

Я буду сильным, смелым, ловким и, вообще, примерно на четверть таким, как Федя, – это для меня верхняя планка. Я буду! По крайней мере, я постараюсь...

Федор Иванович Гусев по сравнению со мной глубокий старикан: двадцатого августа сего года ему стукнул тридцатник. Он мой лучший друг, можно сказать – брат.

Этот старикан достался мне по наследству. Наши отцы были такими же друзьями, выросли в одной станице, вместе поступили в военное училище, вместе служили, а после дембеля вместе двинули в Аммиачинск – по какой-то там хитрой разнарядке партии (какой именно партии – уже многие и не помнят, но точно не едресовской).

Однако я не прямой наследник вышеупомянутой дружбы. Федя дружил с моим старшим братом, они были одноклассниками и пытались скопировать судьбу отцов: вместе росли, вместе поступили в военное училище, вместе...

Нет, а дальше все у них получилось из рук вон – они, дураки, вместе пошли на войну, где мой брат погиб, а Федю ранили в тело и в душу, после чего он самовольно изгнал себя из армии. Я не буду подробно расписывать всю историю². А конечный результат таков: я занял место брата и заменил Феде друга. Так что теперь мы вместе.

Ничего не забыл? Ах да, Федя – полная мне противопо-

² Подробнее об этом см. роман Л. Пучкова «Ксенофоб».

ложность. Он богатырь от природы, мастер спорта по трем видам единоборств и биатлону, лейтенант запаса ВДВ, и вообще, весь из себя аномальный кабан. Ну и – он тоже бывший учитель. Можете себе представить: с такими габаритами, с такой физией – и учитель. Дети, скажу я вам, поначалу были в шоке, некоторые на уроках элементарно падали в обморок. Федя преподавал в той же школе, что и я, физкультуру и ОБЖ, а по совместительству был президентом военно-спортивного клуба «Патриот».

Как видите, в прошлой жизни мы были вполне себе приличными ребятами – бутылки не собирали, не привлекались и даже не страдали лунатизмом.

Борман. Борис Иванович Гусев, младший брат Феди. Двадцать пятого сентября ему, если доживет, исполнится семнадцать лет. «Если доживет» – это не шутка, даже с учетом нашего изгойско-разыскного статуса: Борман по натуре своей камикадзе и постоянно влезает в разные неприятности.

Федина богатырская статья Бормана благополучно миновала – несмотря на прекрасный аппетит и отменное здоровье, наш камикадзе дико строен, если не сказать – тощ. Вот эта конституционная особенность, воспринимаемая на фоне Фединых габаритов как явный недостаток, вполне возможно, стала причиной фанатичного увлечения боевыми искусствами: с раннего детства Борман изнуряет себя длительными тренировками и никогда не упускает случая закрепить свои навыки на практике. Если подобрать слоган к личности

Бормана, это, наверное, будет что-то типа «бой – как смысл жизни». Он без всяких шуток планирует стать абсолютным чемпионом мира по боям без правил и целенаправленно к этому готовится.

Ну а если отбросить иронию, следует признать: Борман – прекрасный боец. Сам Федя не так давно задумчиво высказался, что если так будет продолжаться и далее, то через несколько лет он уже не сможет воспитывать младшего братишку. Учитывая тот факт, что Федя воспитывает братишку регулярными спаррингами (других педагогических приемов Борман не понимает), нетрудно догадаться, что он имеет в виду.

Рома. Друг Бормана. Сирота, живет у бабушки, все время проводит с Борманом. Про таких говорят «неразлейвода», обычно их имена упоминают вместе, и даже через дефис, как нечто единое целое. Про Рому нельзя сказать, что он – бледная тень Бормана. Таковую тень Борман просто не стал бы терпеть рядом с собой: он уважает только сильных и цельных людей, наделенных яркой индивидуальностью. Рома тоже серьезно занимается боевыми искусствами, но не фанат – есть у него сторонние увлечения, которые не дают сосредоточиться исключительно на костоломном мастерстве. Он хорошо рисует, любит читать, обладает прекрасной памятью и знает много вещей, о которых современные тинейджеры даже представления не имеют. Еще Рома умеет играть на гитаре, легко сочиняет стихи и тут же придумывает к ним мелодии –

иногда получается очень даже ничего. В отличие от Бормана, Рома мечтает сколотить рок-группу и петь «альтернативу». А Бормана – вопрос уже решен – он берет к себе менеджером. И не важно, что тому Федя на ухо наступил в детстве, зато товарищ пробивной, справится с любыми проблемами.

В общем, я так вижу, что мечты эти вполне осуществимые – хлопцы старательные, в отличие от подавляющего большинства своих сверстников четко видят цель и потихоньку к ней идут, так что все у них должно получиться.

Осталось дело за малым: избавиться от изгойского статуса и зажить как все нормальные люди.

Ленка. Гражданская жена Феди Гусева. Кончила журфак, работала репортером в городской газете «Эра барбитура-тов». До мая месяца сего года это была очень эффектная, красивая и преступно уверенная в себе женщина.

А в мае... Да нет, не буду я вам рассказывать, что в этом поганом мае случилось, по ходу дела сами догадаетесь. А то как вспомню – с души воротит, впору все бросать и стреляться из отцовского наградного револьвера.

В преступники мы попали на три счета.

Два: я по обыкновению трещал в одном гадском форуме, где чувствовал себя как минимум пупом земли, легкомысленно вступил в полемику и бездарно повелся на вызов хитрого провокатора.

Три: мы с Федей и Борман-Ромой поехали куда пригласили, а для «поддержки штанов» позвали еще троих «патрио-

тов» – Ваню Думбадзе и братьев Латышевых. Помнится, я еще совестью угрызался: меня ведь вызвали на «фэйр-плей», в расчете, что я – обычный офисный бездельник. А я, вероломный негодяй, коварно привлек таких богатырей – один Ваню чего стоил...

«Фэйр-плей» почему-то не задался с самого начала: с их стороны прибыло как минимум два десятка, и тоже далеко не рахиты (любой из них одной левой сделал бы троих таких, как я) – плюс ко всему половина из них была вооружена «Осами».

Все перипетии раскрывать не буду – это отдельная история, а вот вам сразу результат: в конечном итоге я убил одного, а Федя – пятерых и еще с десятков покалечил.

Вот, собственно, и все. Теперь мы скрываемся от правосудия и, пожалуй, в большей степени от жаждущих мести родственников погибших.

Наверное, следует добавить: если бы не Федя, вполне вероятно, что мы все легли бы на той проклятой поляне. Благодаря ему встреча закончилась со счетом шесть – один.

Мы потеряли в том бою нашего друга и брата Ваню Думбадзе, который героически погиб, закрывая собой наших юнг – Бормана и Рому.

Пафосная фраза получилась, правда?

Но по-другому и не скажешь: так оно все и было на самом деле. Грузин – человек-гора принял на себя залп из «Ос».

Вы видели, как выглядят люди, которым в голову попадает

пуля из «Осы» – этого гуманного травматического оружия? Если нет, полистайте ресурсы с видеороликами, там такого материала хватает.

Стреляли на той поляне по меньшей мере в десять стволов, каждый выпустил по четыре пули, прежде чем пойти на сближение.

Грузин прикрыл собой юнг и держался минуты полторы, не давая джигитам подойти близко, – пока Федя не добрался до заветной железяки, спрятанной от греха подальше в салоне машины...

Кто-то, наверное, заметил, что плавный переезд из разряда законопослушных граждан в преступники был анонсирован на три счета, а в описании все началось со второй цифры. Нет, это не ошибка: первая фаза вышеописанной метаморфозы стартовала в начале мая сего года. На ту поляну мы ступили не случайно и не по ошибке. До нее мы прошли через целую череду испытаний и, между нами, начистоту – это был закономерный финал всех наших майских злоключений. То есть рано или поздно все это кончилось бы плохо и кроваво. И поверьте мне, совсем не факт, что если бы развязка случилась значительно позже и в другом месте – пострадало бы гораздо меньше народу. Совсем не факт...

Я люблю кино и книги. За свою длинную жизнь я пересмотрел несколько тонн фильмов и перечитал не один контейнер книг. Так вот, до того момента, когда это коснулось меня лично, я полагал, доверяясь книжно-киношному опы-

ту, что аутландерство – это круто, романтично и просто жуть как интересно. «Враги сожгли родную хату» – в первом эпизоде, «убили всю его семью» – во второй главе; а в третьей солдат уже ловко мстит всем подряд, охмуряет вражеских женщин, добывая ценную информацию, и непрерывно иронизирует, с оптимизмом глядя в осветленное будущее.

«Куда теперь идти солдату, кому нести печаль свою?» – вот это как-то совсем выскочило из контекста. Не было в моей прежней, беззаботной жизни времени задуматься над таким незначительным звеном событийной цепи, упущенным режиссерами и авторами в угоду динамике и легкости изложения.

Нет, я не буду плакаться в жилетку и в подробностях живописать все перипетии, выпавшие на нашу долю. Я очень коротко перечислю, что случилось после той поляны, а вы сами сделаете вывод: романтично это или где.

Родители наши уволились с работы, продали квартиры в Аммиачинске и уехали на постоянное место жительства в станицу, на родину предков. Это, пожалуй, единственное место в мире, где они будут в относительной безопасности – в перспективе неизбежных преследований за наши чудачества.

Коротко, но не емко, правда? Добавлю: в одночасье вся прежняя жизнь – наша и наших семей – рухнула и пошла вразнос. Теперь уже ясно, что ничего не утратится, и возврата назад не будет. Родители наши, люди неглупые, консуль-

тировались со сведущими товарищами. Товарищи эти однозначно порекомендовали: надо держаться подальше от изгоев – нас то бишь, в первую очередь для нашей же безопасности. Нужно свести общение до минимума и перебраться в такое место, где изъятие кого-либо из родственников для последующего давления на разыскиваемых будет либо значительно затруднено, либо невозможно.

Слава богу, есть такое место на земле, и мы оба родом оттуда. Есть куда отступить после сокрушительного удара Судьбы. Мы оба казачьих кровей, Федя и я – возможно, это в определенной степени повлияло на всю нашу судьбу.

В бега мы подались не одни: к нам добровольно присоединились Ленка, Борман и Рома. Впрочем, «добровольно» в данном случае – понятие не совсем верное: мы сами, мало того что никого не звали, но еще и активно возражали против вовлечения в наш беглецкий кооператив кого бы то ни было.

– Вам всем теперь надо держаться от нас подальше, – это наше общее мнение: Федино и мое. – Мы считаем, что нам лучше будет одним. И проще, и безопаснее...

– Да мне до лампочки, что вы там себе считаете, – это мнение Ленки. – Я уверена, что без меня вы очень скоро скурвитесь или вообще сдохнете. И потом, я что-то упустила: кого здесь интересует ваше мнение? Вы кто такие, вообще, тупицы-неудачники – без грамотного информационного сопровождения и правильного «пиара»?

– Будете гнать – вскроюсь на хрен, – а это декларация Бормана. – Так что выбирайте, что вам лучше –дохлый брат в станице или живой-здоровый – но с вами. Да вы не бойтесь, я отработаю: готов к любым нагрузкам и дополнительным тренировкам.

С родичами у наших волонтеров было все очень непросто. Ленку, естественно, не пускали – мать вообще заявила: только через мой труп! Вы не знаете Ленкину мать? Если нет, вам очень повезло: это воплощение упрямства и своеволия, средоточие вредности и взбалмошности, а проще говоря – мегера. Бедный Ленкин отец – душа-человек, работяга и, вообще, добрейший дядька – все, кто его знает, удивляются, как он живет с такой неуправляемой особой.

В общем, Ленка вдрызг разругалась с матерью, забрала ноутбук, новую камеру (утешительный приз – отец купил взамен отнятой в парке) и причалила к нашему терпящему бедствие кораблику. И стала на нем капитаном? Не знаю – вопрос непростой, однозначно ответить нельзя, так что торопиться не будем, со временем сами сделаете выводы.

А, ну да, чуть не забыл: вдобавок ко всему прочему Ленка забрала отцову машину, на которой она ездит по доверенности. Отец, естественно, не возражал, а мать написала заявление в милицию: дочь, гадина, украла у нас машину, и теперь неплохо было бы найти ее и ненадолго посадить – чтоб немного подумала, как идти против воли родителей. Представляете? Так и просится на язык одно короткое и емкое

определение – но не буду, я подобным образом уже высказывался, так что повторяться ни к чему.

Бормана тоже не пускали: естественно, тетя Галя хотела, чтоб он поехал с ней в станицу, к деду с бабкой. Но здесь все было не так драматично: Федя – товарищ основательный и надежный, мать уверена, что под его присмотром Борман будет даже в большей безопасности, чем в дедовском доме, предоставленный сам себе и своему дурному характеру.

А Рома никого не спрашивал, просто поставил бабушку в известность: я ненадолго отъеду с «гусями», так что отдохни – не надо будет меня обстирывать и кормить. В данном случае «с гусями» – лучшая для бабушки рекомендация. Значит, дите будет в безопасности, сытости и под приглядом.

Ну вот, примерно в таком аспекте. То есть ищут только меня и Федю, все остальные в нашей компании натянули на себя изгойскую долю абсолютно добровольно.

Очень скоро мы убедились, что принятые меры предосторожности были отнюдь не лишними: товарищи, которые рекомендовали нашим предкам быстренько сменить климат, вовсе не нагнетали обстановку, а дали весьма дельный совет.

Во-первых, сразу после переезда родители legionеры выставили в наших дворах суточные посты ППДИ («пресечения попыток добычи информации» – ей-богу, это не я придумал, просто товарищи конкретно двинуты на конспирации и прочих шпионствах – еще хлеще, чем наш обожаемый Ле-ха).

Так вот, почти сразу после выставления эти посты стали регулярно отлавливать шустрых молодых людей сугубо московской черноволосости и горбоносости, которые интересовались у бабок и прочих праздных личностей, куда же это подевались товарищи Гусевы и Добросердовы.

Уй, как интересно, правда?

С черноволосатыми поступали бесцеремонно, на бинты денег не выдавали, и предупреждали по-хорошему – больше сюда ходить не надо, это территория Легиона, в следующий раз просто убьют.

Во-вторых, такие же любопытные товарищи, только, видимо, уже постарше, пытались активно «пробить», куда подевались наши предки, – через официальные источники и в первую очередь через органы. Но на этом пути стоял крепкий заслон из друзей наших отцов – и, пожалуй, в большей степени друзей Феди. То есть, если использовать легионерскую терминологию, здесь для любопытных был заботливо заготовлен непробиваемый ПИБивин (а это я сам: полная информационная блокада).

В-третьих, через некоторое время после того, как наши родители перебрались в станицу, кто-кто из старых знакомых Ленки по работе в печати позвонил ей и пригласил на встречу. Типа того: есть дело на миллион европейских рублей, надо как можно быстрее пересечься.

Этот знакомый – наш соплеменник, но имеет репутацию скользкого и ушлого типа, поэтому Ленка за минуту просчи-

тала, *что* он хочет (вот пока морщила лоб по поводу сообщения на экране своего коммуникатора – как раз и просчитала), и без раздумий послала бывшего коллегу во все популярные места.

Коллега обиделся и с ходу перешел к угрозам. Смотри, говорит, не пожалеть бы тебе, красавица: подумай о матери, ты-то сейчас непонятно где, а вот ее адресок известен!

Зря он так. Совсем не владеет обстановкой. Ленка ему тут же выдала: да ты, дебил, давно у нас в районе не был, и не в курсе, сволочь, что моя мамаша на меня накатала телегу в органы и теперь у нас полный афронт. Если есть желание, можете ей башку отрезать – я вам еще и приплачу! А ты, тварь, теперь живи и бойся: это понятно, что я неизвестно где, зато очень даже известно – с кем, так что, сволочь, еще раз позвонишь – мы знаем, где тебя найти.

Да, я тут намеренно не стал дословно цитировать Ленкины вопли: помнится, даже закоренелый солдафон Федя в тот момент покраснел от смущения.

После этого Ленка поменяла телефон, а Легион по нашей просьбе взял под охрану усадьбу ее родителей. По нашей – это, в смысле, по моей. Сама же Ленка сказала, что никаких движений в этом направлении не надо: пусть все идет своим ходом.

– То есть пусть в самом деле голову матери отрежут?

– Да так ей и надо! Хуже все равно не будет – она головой практически не пользуется...

Ну вот, видите: такая она у нас. Глупость, конечно, сказала, и понятно, что все это обусловлено наплывом эмоций – но, согласитесь, некоторое фамильное сходство характеров все же место имеет. Они, кстати, и внешне очень похожи.

Ладно, оставим это на Ленкиной совести, время их рассудит.

Легион выставил возле усадьбы Даневич два суточных поста, но после этого ни Ленку, ни ее родителей никто не беспокоил. Очевидно, враги так впечатлились Ленкиной отвязностью, что решили: с этой стороны подходить к нам бессмысленно.

Вообще, Легион в этот трудный период оказал нам немалую помощь.

«Патриот», как и следовало ожидать, закрыли. Ну и куда, в самом деле, теперь пойти солдату?

Легионеры всех членов клуба пригласили к себе: добро пожаловать, братья, – заниматься, мероприятия проводить, наша база в вашем распоряжении. Пока там у вас временные трудности, кучкуйтесь на здоровье у нас.

Благородно, да? Но мы-то с вами прекрасно понимаем, что это такое. Вот вам вполне неизбежная печальная статистика: за три последних месяца в Легион переметнулись добрая треть наших хлопцев. А половина из тех, что остались, неровно дышат в том же направлении. Как же: дисциплина, конспирация, таинственность, значимость – весьма привлекательные условия, все рядом, в то время как свой клуб раз-

валился и будет ли восстановлен вновь – очень большой вопрос. «Временные трудности» в нашей стране – это приговор. Временные в том плане, что они имеют обыкновение продолжаться неопределенно долгое время.

В общем, будем откровенны: это необратимый процесс.

Перефразируя известное выражение: «Патриот» умер – да здравствует «Легион»!

И знаете... У меня такое ощущение, что это не просто лозунг.

Мы ездили к грузину на похороны. Да, это было глупо и совсем небезопасно – но иначе мы поступить не могли, не имели права.

Федя был плох. Досталось ему изрядно, нужно было как минимум неделю отлежаться, и он еле двигался: на кладбище мы с Ленкой держали его под руки.

Нас в тот момент еще не объявили официально в розыск, но уже искали – и не только органы правопорядка.

Но мы об этом даже и не думали: немного времени прошло, еще не пришли в себя, не могли трезво оценивать обстановку, и вообще, полагаю, правильное будет сказать, что мы были неадекватны.

Хорошо, что за нас в этот момент думали другие.

Ребятки посоветались и решили, что скрыть это все равно не получится, поэтому Усольцев – вождь легионеров предупредил местные власти, что мы можем прийти на похороны. И что, если нас попытаются взять, будет народное вос-

стание.

И правда, на похоронах была огромная толпа молодежи: проводить Ваню в последний путь пришла целая армия, в которую на краткое время вступили даже те, кто не знал его при жизни, но был в курсе, что произошло на поляне.

Легионеры организовали оцепление и назначили боевые группы, которые были готовы броситься нас отбивать, коль скоро кому-то втемяшилось бы проявить по отношению к нам хоть какой-то намек на враждебность.

Местный ОМОН, не будучи зван, явился в полном составе и по полной боевой – командир, Федин друг, проявил такую рискованную инициативу (случись что – могли бы ведь и попытку мятежа инкриминировать!), ни на секунду не задумавшись, к каким последствиям это может привести.

Ну и никто не посмел нас тронуть. Сейчас, при трезвом рассмотрении событий тех дней, я понимаю, что это было дико и странно: беглые преступники, обвиняемые в массовом убийстве, разгуливают на свободе, на виду у всех подряд представителей, которые, по идее, должны их ловить – и при этом все присутствующие оказывают им едва ли не королевские почести.

Мы даже расчувствовались: все смотрели на нас как на героев, рвались пожать руку, сказать доброе слово, просто постоять рядом – в общем, разве что на руках не носили.

Единственно, отец Ванин повел себя неадекватно, бросался на нас, кричал, что мы виноваты, – скандалил, короче.

Но на то он и отец, что с него возьмешь? Какой адекватности следует ждать от человека, в мирное время потерявшего сына – молодого здорового красавца, у которого была вся жизнь впереди?

Вот, собственно, и все. Таковы печальные итоги группового бодания на поляне, перевернувшего всю нашу жизнь и жизни наших близких.

* * *

Теперь самое время пару слов сказать про быт. Или не стоит?

– Да ладно, расскажи уже – может, кому и пригодится...

Типун тебе на язык, дядя Федя! Я очень надеюсь, что никто из читателей не попадет в такую ситуацию и все у вас будет как прежде: легальное положение, дом, близкие рядом...

Я не люблю описание быта. Это же рутина. Люди одной страны – эпохи – достатка устроены довольно однообразно, поэтому и быт у них тоже примерно одинаковый.

Но про нас, раз уж Федя настаивает, я немного расскажу: может, потомки будут интересоваться, как прозябала на нелегальном положении очередная партия свежеиспеченных изгоев.

Прозябали мы вполне себе комфортабельно. Воодушевленные примером одного пройдошистого дядечки, мы не стали метаться по окраинам столицы или сидеть в лесу, а до-

вольно быстро сняли домишко в дачном кооперативе «Глухомань», что в двадцати километрах от Москвы.

По поводу съема жилья в этой «Глухомани» было вольготное: море пустующих дач и десятки предприимчивых хозяев, желающих сдать их на время кому угодно (гастарбекам-таджибайтерам, цыганам, нобелевским лауреатам – неважно).

Мы, однако, сняли для себя усадьбу с бабусей: Федя сказал, что это оптимальный вариант в плане безопасности и информационной защиты. Пустующие усадьбы всегда вызывают подозрения, при проведении разного рода розыскных мероприятий их осматривают в первую очередь. А хозяйка, которая всех в этом районе знает, если ее расположить к себе, всегда «отмажет», прикроет, предупредит и так далее.

Главное здесь – правильно подать себя. Подстроиться под хозяйку, нащупать заветные струнки ее души, расположить к себе.

Легенда для бабуся была простая (я придумал – с ходу, буквально «навскидку»): мы – беглые русские из Молдавии, жертвы полицейского режима. Приехали на историческую родину и оказались на чужбине: нет для нас места в некогда русской столице, она оккупирована иноземцами и насквозь пронизана коррупцией. А еще за нами охотятся чаушисты – это такие новомолдавские киллеры, которые отлавливают беглых русских, где бы они ни находились. Они имеют обыкновение загребать жар чужими руками, так что знайте: если вдруг тутошний участковый начнет проявлять нездоровый

интерес – вот это самое оно и началось.

Весело, да? Я тут подумал: вот этот бред – он не так уж сильно отличается от реальности. Мы беглые, можно сказать, жертвы тоталитарного режима, использующего кавказдюков как буфер между собой и народом, и помимо органов нас ищут жаждущие мести родственники убиенных на поляне джигитов.

В общем, почти все – в тему, ну, разве что мы не совсем из Молдавии: Аммиачинск у нас несколько в другой стороне.

Итак, мы путем натуральной селекции выбрали подходящую бабуся и зажили простецки, но нескучно в доме на четыре комнаты: в одной хозяйка, в другой Федя с Ленкой, в третьей мы с пацанами.

Четвертая комната – зал общего доступа, с древним телевизором «Таурас», черно-белым, но удивительно четко показывающим три десятка каналов (проникновенное изгойское спасибо рукодельной жмуди – без вас мы бы сдохли от информационной блокады!). Здесь мы иногда устраиваем комьюнити с бабушкой, или попросту – чаевничаем. Бывает даже, что она стряпает жирный «хворост», если у нас есть настроение помочь ей в этом непростом деле. Хворост съедобен, только будучи горячим, когда он остывает, его можно использовать как орудие убийства – «хвостики» получаются твердые и очень острые.

Зовут нашу бабуся Надей, участок у нее по дачным стандартам просто огромный, доставшийся в наследство от без-

временно почившего брата, который был главврачом в поликлинике расположенного неподалеку городка (большой человек по местным меркам).

Помимо дома на участке есть летняя кухня с банькой, просторный сарай в глубине двора с широкими распашными воротами, ненужный теперь уже навес дровяника (когда кооператив закладывали, вокруг простирались бескрайние леса) и, как водится, примыкающий к дровянику монументальный сортир из дубовых плах.

С хозяйкой нам повезло. То ли моя легенда подействовала, то ли просто человек устал от одиночества – но к нам она относится очень тепло. Особенно к Ленке. Такое ощущение, что она чувствует Ленкино горе, понимает, что совсем недавно у нее была великая беда, боль от которой еще не выстрадана в полной мере...

В общем, тетя Надя принимает Ленкино состояние близко к сердцу и всеми фибрами души ей сопереживает.

Пользуясь недавним положением ныне усопшего брата, наша бабуся регулярно лечится – и по делу, и по мнительности, а порой и просто от скуки. За три месяца она раз пять ложилась на обследования и разнообразные курсы лечения, останавливаясь при этом у племянницы (дочери брата) на три-четыре дня, иногда и дольше.

Сами понимаете, для нас это весьма удобно. Жаль только, что она не глухая и видит как ястреб – приходится о делах болтать шепотом, маскироваться и, вообще, всячески со-

блюдать осторожность. Правда, островидение компенсируется ограниченной подвижностью: она ходит с костылями, передвигается медленно и с трудом нагибается.

Это обстоятельство позволило нам кое-что выкопать в подполе: судя по всему, туда много лет никто не спускался – так что Федя, проанализировав ситуацию, решил на досуге развлечь нас прикладной монтекрысостью. Знаете, наверно, был такой тюремный монтекрыс – он длиннющий лаз прогрыз, а потом врагам устроил сюрприздячий парадиз.

Но об этом несколько позже, не будем нарушать последовательность изложения.

В общем, устроились мы неплохо, живем себе, в ус не дуем – но надо ведь как-то на хлеб зарабатывать, верно?

Мы пошли работать на склады. Вы можете смеяться, но сейчас мы являемся отдельной бригадой грузчиков и пользуемся в погрузочно-складской среде заслуженным уважением. У нас нулевой «бой», мы не курим, не пьем, не опаздываем, работаем быстро и споро и всегда охотно ездим на авралы.

Склады, на которых мы трудимся, принадлежат компании «Мой и сей». И хотя поблизости полно всяких других складов, площадок и станций, ездить приходится довольно далеко – потому что в округе это единственная компания, хозяин которой – еврей.

Какое нам дело до евреев, спросите вы? Нам с Федей – ровно никакого, но все остальные владельцы, как водится,

«муслимы».

Ленка категорически отказалась вкалывать на «муслимов».

– Сама не буду, и вам не дам. Полагаю, ныне суверенный Азербайджан обойдется и без наших услуг...

Понятно, что русских хозяев тут не нашлось, ну так и еврей за своего сошел. Смотрящий (заведующий) там нормальный, не обижает, действительно, оправдывает негласное свое предназначение – смотрит за безопасностью и вовремя предупреждает. Так что мы регулярно и своевременно бегаем от облав, устраиваемых ребятами из ведомства геноссе Ромодановского. Сигаем через забор совместно с белорусами и молдаванами, с которыми бок о бок трудимся без регистрации.

Короче – тревожно, но нескучно. На жизнь хватает, кроме того, регулярно удастся поиметь продукты, ширпотреб и другие полезные в хозяйстве вещи. Ничего, жить можно: велика земля родная, есть где укрыться беглым русичам, есть на кого работать без регистрации. Спасибо вам, добрые хазары! Огромное изгойское спасибо и поясной поклон.

Ах да, следует отметить одну деталь. Если кто думает, что Ленка у нас работает швеей-поварихой – это заблуждение. Она боец, работает как все остальные, хотя мы и возражали поначалу.

У нас так заведено, что каждый сам себя обслуживает, а готовим мы по очереди, в соответствии с составленным Фе-

дей графиком. Более того, тут наблюдается переко́с обратного порядка: когда дежурит Ленка, в отношении Борман-Ромы допускается откровенный геноцид – они все ей таскают, чистят картошку и моют посуду. И попробуй только кто пикни: такое устроит – десять раз пожалеете, что рот раскрыли!

Короче, су... эмм... суровая она у нас, вот что.

Ну все, про быт хватит. Пора уже и...

– А тренировки? Дежурство? Система безопасности?

– Думаешь, надо?

– Конечно! Без всего этого твой быт гроша ломаного не стоит. Потому что без всего этого твой быт был бы в тюрьме или вообще в Царстве Теней, причем в отделении для слабоумных рахитов.

– Ну, спасибо, брат...

– Да не за что, бери еще. Давай, в двух словах – про службу.

Ладно, коли так. Даю про «службу».

* * *

Работаем мы пять-шесть часов, дорога в оба конца занимает еще два с половиной часа, спим тоже пять-шесть часов. Как мы проводим досуг в выходные дни, вы уже знаете, нетрудно посчитать, что в будни у нас остается примерно десять часов свободного времени. Вы думаете, мы все это время отдыхаем и копим силы для великих свершений? Как бы

не так! Эти десять часов расписаны буквально по секундам: Федя нас системно тренирует и вообще очень жестко «держит в рамках». Правильнее будет сказать – дрессирует.

Вам не доводилось работать грузчиками? Если нет, сообщаю – это очень тяжелый труд. Особенно для компьютерных сидельцев, типа меня – в первый месяц я буквально с ног валился, болел и плакал; мой изнеженный организм тяжело и долго перестраивался.

И вот представьте себе: вдобавок ко всем этим трудностям приезжаем мы с работы домой, уставшие и вымотанные, и – пожалуйста на кросс по пересеченной местности! Это вместо пивка под сигарету да томной расслабухи. «Пятерочка» – это как ежедневная норма. Нет, это не цифра на посуде с пивом, это пять километров! Затем – несколько «соток» с полным напряжением, и уже потом, в завершение – обязательная растяжка (не путать с разминкой перед бегом – это совсем другой вид пытки, заимствованный, видимо, от заплечных дел мастеров из кремлевских подвалов).

В общем, мы регулярно бегаем, а в выходные до полного посинения занимаемся спаррингами – в свободное от «досуга» время.

Ей-богу, в первый месяц я был уверен, что сдохну. Мне дико повезло, что Федя еще не окреп после побоев и мы, в соответствии с его терминологией, занимались сугубо по «рахитским» нормативам.

– Да куда б ты делся! Человечья организзма – она такая,

привыкает к любым нагрузкам.

– Да уж, это точно...

Вы не поверите: вскоре я привык и втянулся. А может быть, тут сыграл важную роль тот факт, что все, кто был рядом со мной, безропотно потели, и никто даже и не думал жаловаться. Ленка и юнги имеют хорошую спортивную базу, им было гораздо проще, так что мне пришлось тянуться до их уровня, и я пыхтел, кряхтел и пузырился – но занимался наравне со всеми.

Ну а теперь я, что называется, «в теме». Бьюсь с юнгами, бегаю, крепчаю не по дням, а по часам, плюс ко всему, качаюсь на работе ящиками да мешками. Чую, скоро стану невероятным кабаном (возможно, через годик до Ромы dorасту) – если только мой организм справится и я прежде не сдохну от непосильной нагрузки.

Между делом как-то само собой получилось, что я бросил курить и отказался от регулярного пива – уже говорил. Потому что курево и пиво с бегом несовместимы: меня поначалу буквально выворачивало наизнанку, в этой непьющей-некурящей компании мне пришлось ой как несладко!

Бег, вообще, помимо того что это спортивная дисциплина, – вещь весьма философская, если ты выступаешь в ипостаси беглеца.

Бег как смысл жизни.

Как способ выживания, если хотите.

Это мне очень доступно и наглядно объяснил Федя, когда

в первую неделю тренировок я устроил бунт и потребовал вразумительных объяснений: зачем он нас так тиранит, и на фиг, вообще, этот бег нам нужен?!

Дело было так: мы бежали по лесополосе, я быстро выдохся, схватился за печень и, остановившись, разразился плаксивой сентенцией в формате «ай эм рот-эбаут йо принципалс и что мешает нам упасть и сделать перерыв»?

– Димон – «трехсотый», – скомандовал Федя.

Борман-Рома тотчас же подхватили меня под мышки и в темпе поволокли по маршруту. Федя пристроился сзади и схватил меня за левую ногу. Ленка, секунду поколебавшись, стала им помогать, а конкретнее – приняла мою правую ногу.

Так они меня и тащили, задыхаясь и выплевывая добрые слова в мой адрес, – по ходу движения рассказали в междометиях все, что думают обо мне и моем индивидуальном рахитизме.

Я визжал благим матом и пытался вырваться, но эти злыдни меня не отпускали: команды, видишь ли, не было. А Федя – опытный воин – умудрялся временами пинать меня по заднице, приговаривая:

– Это не ты сдох! Это все мы сдохли – из-за тебя! Нас всех уже убили...

Добежали, бросили, юнги с Ленкой попадали, жадно дышат, как загнанные псы, – а Федя склонился надо мной и на удивление ровным голосом резюмировал:

– Если ты сдохнешь в реальном бою – мы будем тебя та-

щить. Резко потеряем темп. И, возможно, нас всех убьют. Но мы тебя не бросим. Потому что мы – команда. Делай выводы, рахит...

Ну и что тут скажешь? Ровным счетом ничего. Сейчас я бегаю не хуже остальных. А на «сотке» под настроение могу даже обогнать Ленку.

Вторичный смысл бега: милосердие. По-моему, именно так, не ошибся я?

– Да, все верно. Мент – он такой же, как и ты, он твой брат.

– ???

– Да, вот такой глупый брат в смешном прикиде – не нашел для себя работы получше. Так вот, если ему вдруг втемяшится тебя ловить – лучше убежать от него, чем убивать его или калечить. Для обоих хорошо: он жив, а ты лишний раз грех на душу не стал брать.

И вообще, если ты в розыске – умеи бегать быстро и далеко. Всегда пригодится...

Каково вообще быть нелегалом? Да ничего, нормально. Поначалу страшно было в люди выходить: шарахались от каждого случайного взора, казалось, все смотрят и разве что пальцем не тычут: вот они, преступники! А потом привыкли и даже обнаглели. Потому что поняли: всем на нас наплевать. Не заметил, чтобы органы правопорядка как-то особо нас искали – в отличие от мстительных джигитских родственников. Висят ориентировки, дела заведены, но какой-то сверхъестественной розыскной активности нет. За все

время, что мы скрываемся, у нас один раз попробовали проверить документы. И то, не по факту схожести с ориентировками, а сугубо из-за Борман– Ромы – как-то ходили по базару в выходной, и их чисто бритые черепа привлекли внимание наряда милиции. То ли за «скинов» приняли, то ли просто проверить решили, что это за неместные лысины тут отсверкивают.

Ну и ничего – убежали. За нами и гнаться никто не стал – только орали вслед, да кто-то свистнул пару раз.

После этого юнгам запретили бриться налысо, теперь они ходят со щетиной на голове, как все нормальные люди. Кроме того, у них изъяли вытертые до белизны джинсы и стильные английские ветровки. Теперь это не наш стиль. Переодеди, короче. Они даже слегка горевали по этому поводу.

Все, про бег как формат выживания закончил. Мы в бегах – и теперь я точно знаю, что это не метафора. Что там у нас еще осталось?

– Дежурство. План эвакуации.

А, ну да. Дежурство.

Это очередное солдафонство чистейшей воды, как и все, что с нами делает Федя.

Ночью мы поочередно бодрствуем: Федя составляет график. Ленку пытались освободить, но она решительно отказалась: буду, говорит, как все, хотя и поддерживает мою точку зрения насчет того, что эта мера совершенно лишняя и мы прекрасно обошлись бы без нее.

Зачем не спать ночью? А чтобы вовремя обнаружить крадущегося в ночной тиши врага и поднять всех «в ружье». Хехе...

Машину на ночь загоняем в сарай, она заправлена и готова к выезду. А сам сарай оборудован по последнему слову хитро-гусячьей методики: задняя стена подпилена и крепится капроновыми тросами: рванул два узла, легонько толкнул бампером, и – здравствуй, переулочек. На ворота Федя повесил здоровенный амбарный замок: не столько от возможных угонщиков, сколько в целях безопасности эвакуации – чтобы, значит, враг втихаря не просочился.

Но от сарая до дома метров сорок, туда же ведь еще попасть надо, верно?

Вот! Вот тут мы как раз и подходим к апофигиозу солдатского мышления, к тому самому, заявленному чуть выше монтекрысятничеству.

Мы выкопали лаз, ведущий из подпола нашей с пацанами комнаты в тот самый сарай на отшибе, куда на ночь загоняем машину.

Копали скрытно и хищно, как заправские дрессированные крысы, но зато по всем правилам военной инженерии. Землю выносили в мешках, ставили подпорки, работали потихоньку в несколько смен и управились за полтора месяца.

Ну все, жизнь удалась! Теперь у нас есть лаз.

Такого маразма я в жизни не встречал. Если бы полгода назад мне кто-то сказал, что я буду этим заниматься, – я бы

всерьез усомнился во вменяемости этого человека.

Самое странное в данной ситуации – это то, что все, кроме Федя, думали так же, как я, но молча копали – даже Ленка. Федя очень доступно и аргументированно объяснил, что без лаза нам просто не жить: ежели вдруг выследят и зажмут, это единственный способ вырваться из кольца врагов.

Я довольно туманно представлял себе, как это будет выглядеть – когда нас «выследят и зажмут», но юнги и Ленка вопросов на эту тему не задавали, а в индивидуальном разряде глупить было неловко: я тут, знаете ли, умником работаю, должен все схватывать с полуслова и доводить до менее развитых приматов, а не наоборот.

Я вот тут подумал: наверное, таким образом и фашизм к власти пришел. Вроде бы все там были нормальные люди, вместе что-то строили, делали общее дело, и никто не задавал вопросов, хотя, я уверен, многим было непонятно, какого рожна они вообще делали. Все молча сопят и копают – значит, все в порядке. А потом – бац! И получите фашизм...

– А вот это совсем дебильное сравнение.

– Да, теперь-то я это понимаю. Но в тот момент я думал именно так...

– Ну так и пиши, как сейчас думаешь!

– Я просто пытаюсь соблюсти хронологическое соответствие психоэмоционального плана. То есть показать чистые рефлексии на момент описания – а не отредактированные с позиции опыта последующих событий.

– На фига, вообще, все эти сложности? Пиши проще, без зауми, как все было...

– Слушай, а чего ты все время встречаешь?! Это я пишу, мои заметки, так что...

– Ну так ты там и про меня тоже пишешь. Так что имею право!

– Ни фига ты не имеешь. Мои заметки – и баста! Не нравится – пиши свои...

Когда есть время, я беру у Ленки ноутбук (если не дает – а это регулярно случается, набираю на коммуникаторе, хотя это и неудобно) и пробую писать наши изгойские хроники.

Так вот, у Феди есть дурная привычка – сядет рядом и смотрит через плечо. Я стараюсь в такие моменты от него прятаться, но получается не всегда (запереться негде!), так что приходится с этим мириться.

Привычка эта сохранилась с мирных времен: обычно, когда я что-то ваял на своем компе, он садился на широченном подоконнике в моей комнате, смотрел одним глазом в окно, а другим на монитор. Такое вот, видимо, сугубо десантное упражнение на развитие внимания. Или для обретения ко-согласия – чтобы от военной службы «откосить».

Думаю, в нынешних спартанских условиях для Феди вот такое времяпрепровождение – это ностальгическое воспоминание о мирном времени. Или, иными словами, это своего рода крохотная частичка родного дома и нормальной жизни, которой у него уже никогда не будет...

Ладно, давайте дальше.

У нас в самом деле спартанская обстановка и армейский порядок. Все важные вещи и предметы первой необходимости упакованы в рюкзаки – так называемые «тревожные мешки». Одежду на ночь мы укладываем как в армии: на табуреты возле кроватей. И (а-а-а, маразм!) регулярно «подрываемся» для тренировки боеготовности. Стремительно и бесшумно одеваемся (основной показатель – не разбудить нашу хозяйку), хватаем мешки и ломимся по лазу в сарай.

Федя засекает время. Он добился своего: мы теперь можем в кромешной темноте, из положения «спим без задних ног», почти мгновенно одеться, схватить «тревожные мешки» и, не стучаясь лбами и не толкаясь, нереально реактивными змеями просочиться по лазу в сарай. Я уверен, что это нам никогда в жизни не пригодится, – зато, если доживем до зрелого возраста, будет над чем посмеяться.

Тренировка эвакуации на этом не заканчивается: примерно через раз, когда ездим на работу, мы заруливаем в переулок, на который «смотрит» хитрая задняя стена нашего сарая, и «отрабатываем маршруты» – чтобы можно было проскочить примерно с полкилометра ночью, с выключенными фарами. Катаемся и собственно ночью, когда хозяйки нет дома, – закрепляем на практике. Но тут особо никто и не возражает: это нетрудно, копать ничего не надо, так что местами бывает даже интересно.

Кроме того, мы объездили все окрестности, Федя соста-

вил подробный план прилегающей территории, и теперь нам известны все тропинки и лазейки, по которым можно удрать из нашего района проживания.

Так, эвакуацию осветил, про физкультуру рассказал, теперь осталась боевая и специальная подготовка.

– А вот это не обязательно. Это и так всем понятно. Зачем про очевидные вещи рассказывать?

– Это тебе понятно. А есть ведь немало «бойцов», выросших за компьютерами, которые от всей души полагают, что раны лечат исключительно зельями красного цвета, а стрельбу и психологическую устойчивость можно освоить, набрав достаточно «экспы» и добравшись до первого попавшегося учителя соответствующих «скиллов».

– Ну, эти «бойцы» никогда в такие условия не попадут.

– А вот и не прав ты. Я же попал...

Федя обучил всех нас оказывать первую помощь: перевязка, шина, наложение жгута; что нужно колоть, если приспичит, – обезболивающие и противошоковые препараты. Лекарства мы без особого труда приобрели в обычной аптеке – мимо рецепта, но за дополнительные деньги. Теперь я знаю, что главные медикаменты в домашней аптечке – это жгут и промедол. Потому что люди, получившие, в общем-то, не смертельные ранения, сплошь и рядом гибнут от кровопотери и болевого шока.

Напомню, у нас есть оружие. Печально известный Федин «Глок» и не менее печально использованный разок наград-

ной револьвер моего отца.

Здесь, наверное, следует сказать пару слов про револьвер, про отца и его отношение к ситуации.

После того, что случилось на поляне, я имел обстоятельный разговор с отцом. Говорили о трагедии, последствиях, перспективах (или отсутствии таковых) и собственно об оружии.

Представьте себе на миг, что ваш ребенок застрелил человека, спровоцировал гибель еще пятерых людей, и его теперь ищут все подряд: и правоохранительные органы, и злые бородатые люди иного вероисповедания.

Нет, я никому такого не желаю, дай бог вам обойтись без этого, но вы только представьте... Аховая ситуация, правда? Ну и что бы вы сказали вашему ребенку в завершение всего этого, какое было бы ваше итоговое заключение?

Я не буду гадать и приводить возможные варианты, потому что это долго и неправильно: все ведь зависит от индивидуальных особенностей, разные отцы поступили бы каждый по-своему.

А мой сказал:

– Оставь револьвер себе. Мне не пригодился, так пусть тебе послужит. Не зря же мне его Родина дала – хоть какая-то польза будет.

– Родина?!

– Да, Родина. Нет, я в курсе, ты к этому скептически относишься, но... Ты не путай Родину и негодяев, которые сейчас

ею управляют. Это совершенно разные вещи.

После этого отец дал мне несколько коробок патронов к револьверу и добавил:

– Если что – отстреливайся до последнего патрона. Последний оставь себе...

Ну, что скажете?

Кто-то, вероятно, завопит: экстремизм! Глупое ребячество, негоже так поступать взрослому человеку.

А я скажу так: отец вошел в мое положение. Какой смысл теперь вопить и рвать на себе волосы, когда все уже свершилось?

Можно гордо отречься от своего преступного ребенка, послать его подальше и жить в гармонии с собой, истово волоча в мрачное будущее свою незапятнанную ипостась законопослушного гражданина.

А можно вооружить его, сказать доброе слово и таким образом дать ему дополнительный шанс на выживание. Это ведь то же самое, что дать ему свое родительское благословение: теперь он не будет чувствовать себя брошенным и забытым и не будет думать, что жизнь его кончена и бороться за нее больше нет смысла.

Федя организовал с нами стрелковые тренировки – в основном «вхолостую»: меры безопасности, сборка-разборка с завязанными глазами, скрытое ношение – быстрое извлечение, прицеливание – правильный «выстрел», перемещение с оружием – работа в группе (проще говоря – чтобы не поуби-

вали друг друга, двигаясь и одновременно стреляя по врагу). Кроме того, юнгам и Ленке дали немного пострелять из моего револьвера. Из «Глока» Федя стрелять никому не дал, сказал – патронов мало.

Теперь вся наша банда умеет вполне сносно для любителей обращаться с оружием. Не знаю, правда, пригодится нам это или нет – хотелось бы как-нибудь обойтись без таких умений вообще.

«Глок» Федя постоянно таскает с собой. Делает он это мастерски, со стороны совсем незаметно, что на поясе у него – лишний килограмм пластика и металла.

А мой револьвер мирно покоится в «тревожном мешке». И вовсе не потому, что я не умею скрыто носить оружие (теперь-то уже умею). Просто злой Федя запрещает мне брать его с собой. Мотив: ты пока слабоват, в себе не уверен и не готов делить ситуации на категории. То есть, хватанув адреналина, можешь в рядовой ситуации достать ствол и начать палить – в то время, когда можно было элементарно навернуть человека по кумполу или, еще проще, убежать.

Иными словами, чтобы не провоцировать себя на применение оружия – не носи его. Тренируйся, расти над собой, тянись до уровня специалиста – потом посмотрим.

Знаете, а я и спорить не стал. Достаточно того, что ствол есть у Феди. А с ним рядом – как с танком, спокойно и надежно.

Итак, вы уже поняли, что мы все это время отнюдь не си-

дим сложа руки, а непрерывно и усиленно готовимся.

К чему? Не знаю! Понятия не имею. Но врасплох себя взять не дадим. Не дождетесь...

Так, Федя пошел «до коновязи» – теперь самое время сказать пару слов про Ленку.

Я давеча обещал вам оправдаться за то, что мы постоянно идем у Ленки на поводу и практически каждые выходные занимаемся таким вот непродуктивным и небезопасным «досугом», описанным в первой главе.

Так вот – оправдываюсь.

Напомню еще разок: мы с Федей считаем, что толку от всех этих шалостей нет ни на грош, и вот таким образом бороться с Системой – занятие не просто бессмысленное, но где-то даже и вредное: в плане перспектив глупого подражательства со стороны наиболее впечатлительных поклонников наших «подвигов».

Нет, мы не против борьбы как таковой. Но мы пока что не видим, как можно делать, чтобы борьба была результативной, продолжительной и хоть сколько-нибудь перспективной.

Почему же мы развлекаемся по выходным детскими шалостями, если не хотим этого делать?

Да потому что Ленка – искусный манипулятор.

Первую бредовую идею из серии «поехать на проспект Махмудова и наказать злого москвоздюка Аббасова за распространяемые в Сети антирусские лозунги» мы стоически

игнорировали.

– Долго думала? Хочешь наказывать – делай это сама.

– Да не вопрос! Лучше уж самой, чем с такими тьюфяками...

Ленка взяла камеру, положила в багажник битую и – что бы вы думали? В самом деле уехала одна!

Мы полагали, что она встанет где-нибудь за поворотом, с полчасика будет дуться и умеренно истерить, а потом вернется и на этом все закончится.

Час прошел – нет.

Телефон молчит.

Два прошло – нету...

Ленки не было пять часов. На звонки она не отвечала – мы все извелись, не знали, что делать, где ее искать, к чему готовиться... Это была настоящая пытка. А мы ведь сами сказали ей: делай это сама...

Через пять часов Ленка вернулась. Окровавленная, избитая, но вместе с тем излучающая какое-то странное, можно сказать, сумасшедшее торжество. Зеркала на машине отсутствовали, лобовое стекло – в паутине трещин.

– Пошла мыться, – умиротворенно бросила нам Ленка, ковыляя в летний душ (а другого у нас тут нет). – Гляньте, как там записалось...

Взяли камеру – тоже в крови, посмотрели запись.

Кино получилось из рук вон: камера, судя по всему, лежала на капоте, довольно далеко от места событий, но мож-

но было рассмотреть, как Ленка азартно лупит битой троих джигитов.

Потом джигиты, оправившись от внезапного нападения, лупили Ленку, она удирала от них, на моменте хватания камеры с багажника слегка замешкалась – как же, рабочий инструмент, своего рода тотем для репортера, – в результате чего и нахватала плюх, пока садилась в машину да трогалась с места.

Чудо, вообще, что удалось вырваться – судя по воплям, джигиты к тому моменту окончательно озверели.

Повезло.

Бог спас идиотку, не дал сгинуть по глупости великой – и нас заодно уберег от вечного гнета запоздалого раскаяния.

Спасибо, Господи!

В следующий раз все было гораздо проще.

Ленка взяла камеру, мимоходом объявила:

– Я – на мероприятие. Вы со мной или как?

... и преспокойно пошла к машине.

Села, завела, тронулась с места.

Пришлось бежать, на ходу запрыгивать в машину и сквозь зубы ехать вместе с Ленкой на «мероприятие».

С тех пор так и повелось: хочешь не хочешь, никто нас не спрашивает, мы вынуждены соучаствовать. А поскольку Федя привык все держать под контролем, приходится вникать во все детали и планировать эти самые «мероприятия».

Ну что, вы продолжаете считать нас подкаблучниками?

Если да – это, конечно, ваше право, но в таком случае я уверен, что вы никогда не жили рядом с такой особой, как Ленка.

Я сам, когда раньше читал книги и смотрел кино, тематически совпадающее с нашей ситуацией, всегда думал, что женщина-босс (бандерша, глава мафии, в общем, женщина, которая рулит мужиками) – это нонсенс и художественный вымысел.

Теперь я убедился на своем опыте, что при наличии некоторых условий это возможно.

Во-первых, это должна быть женщина самого сильного и авторитетного мужчины в банде. Во-вторых, она сама должна гореть, как пламя, зажигая других. В-третьих, у всех мужчин банды должно быть щемящее чувство вины: за то, что с ней случилась какая-то жуткая трагедия, которую они, сильные самцы, по каким-то причинам не сумели предотвратить.

Тогда – да, она может ими управлять.

А если она еще местами и неглупая – вообще, образно выражаясь, может вить из них веревки.

Потому что любой отказ от акции (ну не хотели ведь мы трогать тех хлопкоробов – сто лет они нам не уперлись!) может быть интерпретирован как предательство главного дела всей жизни.

Почему я не хотел говорить об этом при Феде?

Потому что мы с ним неоднократно обсуждали этот вопрос вне Ленки – втихаря, на завалинке, и пришли к выводу,

что он реально тупиковый.

Ленку надо лечить.

По-хорошему, ей бы сейчас лежать в какой-нибудь приличной клинике, у толкового профессора, а не раскатывать по «мероприятиям», выжигая все вокруг себя ярким пламенем всепобеждающей ненависти.

Мы пробовали говорить с ней об этом (я говорил, а Федя, как водится, солидарно мычал) – и до сих пор жалею, что нас посетила такая идиотская идея.

Нет, привычного уже истерического припадка не было – но Ленка после той беседы надолго впала в глухой депрессняк и целую неделю с нами не разговаривала.

Федя спал у нас в комнате.

Было тесно.

С тех пор Федя старательно избегает любых разговоров о природе Ленкиного расстройства. Это неразрешимая проблема, ничего, кроме боли, упоминание о ней в Фединой душе не вызывает – а я не садист. Поэтому, по негласной договоренности, мы эту тему не трогаем.

Между тем, предмет темы самопроизвольно не улетучился и не сошел на нет. Он, этот предмет, насколько я могу судить, медленно, но уверенно прогрессирует.

Заметил, что Ленка, в последнее время, когда пребывает в состоянии задумчивости, тихонько напевает один известный русский романс.

Все мы этот романс слышали, он живет в нашем быту с

незапамятных времен, и любой может напеть его мелодию. Но если попросить припомнить слова, многим на ум приходит только одна строчка:

Как хороши, как свежи были розы...

Я сначала не обратил внимания: мелодия очень привычная, можно сказать – обиходная, а в слова, подобно многим, никогда и не вслушивался. Романс вообще область женских предпочтений, мужчины, как правило, к этому слезоточивому жанру равнодушны.

А тут вдруг я подслушал спетый Ленкой последний куплет – и меня невольно бросило в дрожь.

Вы в курсе, что там, в последнем куплете? Если да, для вас это не будет сюрпризом. Если нет, я вас сей же момент просвещу:

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб...*

Занимательно, правда? Вот такая душераздирающая лирика.

Воистину, полезно иногда интересоваться поэзией: совершенно неожиданно можешь обнаружить в привычной с детства мелодии такое странное и многообещающее содержание, что в буквальном смысле волосы дыбом встают – и не только на голове, но и вообще на всем тебе, невежде, невни-

мательно слушающем популярные романсы...

Так – все, прекратили об этом: мой нештатный соавтор возвращается, я прокручу текст вверх...

Ну вот, так и живем.

В принципе, ничего, мы уже приноровились и свыклись с нашим вновь сложившимся бытом, даже и с удобствами на улице. Человек привыкает ко всему.

Единственно – не хватает привычного с детства уюта, который возможен только в семье, где люди с любовью относятся друг к другу.

Не знаю, как другим моим спутникам, но для меня не так страшны статус изгоя и постоянное ожидание печальной развязки, как отсутствие вот этого самого уюта.

Я домашний мальчик, чего уж тут скрывать – привык к холе и неге. Привык подгонять весь мир под себя и свои чаяния, и мне... Ой, ну глупо, конечно, но мне очень не хватает маминого ухода и отцовского решения всех моих проблем.

Знаете, это может показаться смешным, но я в полной мере ощутил, как это тяжело – внезапно оказаться взрослым. Я понял, что жил все это время как ребенок. Беспечный, беззаботный, безалаберный.

Мне не хватает жизненной легкости, которой было пронизано все мое существование, и очень многих привычных мелочей, оставшихся в прошлом. Тети Галиных пирожков и борщей по выходным, моей берлоги с компом и Сетью, томного безделья, променадов в клуб, где я чувствовал себя как

дома и мог громогласно вещать на публику, будучи уверен в том, что все меня внимательно слушают и уважают за какие-то непонятные заслуги...

В общем, не сама нелегальность страшна, а неустроенность и отсутствие многих факторов, к которым ты привык. Очень жаль, что вся эта беззаботная жизнь осталась в прошлом, – жизнь, которую мы не ценили, считали нормой, само собой разумеющимся фактом, который никуда не денется.

Вот что я скажу тем, кто читает эти строки и вдруг намеревается удариться в бега или имеет желание стать нелегалом – борцом за не пойми там что.

Ребята – не спешите в изгой.

Это до крайней степени неуютно, скучно и печально.

У тебя нет никаких перспектив: ты живешь в своей стране, которая тебя родила и вырастила, и, как ни крути, – ты враг этой страны.

Ты понимаешь, что жизнь твоя зашла в тупик, и ты уже не в силах ничего исправить.

Смерть или пожизненное заключение.

Вот твоя перспектива.

И вот это состояние безысходности и тупиковости постоянно давит на тебя, ломает твой характер и радикально меняет мировосприятие.

Еще раз: не спешите в нелегалы.

Цените то, что у вас есть, нет никакой романтики в жизни изгоя, есть только вечная тоска и отчетливо видимый при-

зрак смерти в конце пути.

* * *

В воскресенье с утра мы оставили Бормана-Рому тренироваться в исполнении трехдневного борща и делать генеральную уборку (Рома по графику дежурный по кухне), а сами поехали на вещевой рынок.

На рынке мы приобрели две безразмерные китайские толстовки радикально-черного цвета. Толстовки были низжайшего качества, какое только можно себе представить, но с капюшонами. Кроме того, они благоухали то ли горелой проводкой, то ли какой-то трудновыводимой химией, но из всего представленного ассортимента Ленка остановилась почему-то именно на них.

Ну что вам сказать? Это был откровенный глум – тут даже терпеливый Федя возмутился:

– Ты можешь меня пристрелить – но я не буду носить эту дрянь!

– Аналогично, – поддержал я.

Развеселый китаеза-продавец поддал жару:

– Есили путити прать опт – твацат и полше, там сикитка твацат пят працент.

– Если будешь лезть с советами, мы тебя на двадцать пять процентов укоротим, – вполне серьезно пообещал Федя.

– И тогда твоя карьера мгновенно пойдет в гору, – добавил

я. – Я слышал, в лилипутинском цирке как раз не хватает актера на амплуа камикадзе.

Китаеза задорно сверкнул желтыми клыками:

– Ну, хасяин – парин! Есили шьто – я всигта тут!

– Давай две, – по-хозяйски распорядилась Ленка. – Будем мерить.

– Но зачем?! На фи́га они нам нужны?!

– Во-первых, они заявлены в сценарии, – сообщила Ленка.

– Это не аргумент.

– Во-вторых, носить никто не заставляет: наденете на полчаса, потом снимете, выбросите и забудете о них навсегда,

– Нет, а какая вообще необходимость? – уперся я. – Есть какое-то рациональное объяснение? Если это только твоя прихоть – извини, ты не заставишь нас...

– Прихоть здесь ни при чем, – Ленка – само терпение. – Выбор одежды в данном случае продиктован здоровой целесообразностью и некоторыми особенностями человеческого восприятия.

– Ну еппп... – нахмурился Федя. – А попроще?

– То есть мы натянем капюшоны, застегнемся под горло и останемся в памяти широкой публики как два шизанутых куклуксклановца местного замеса, – быстро сообразил я. – Два этаких остроголовых силуэта с горящими взорами и начисто смазанными в тени капюшонов лицами – верно?

– Точно, – кивнула Ленка. – Кроме того, это еще отчасти и антиопознавательный трюк. Службы наверняка будут ис-

пользовать эту запись в розыскных целях. В таком случае эта нелепая мешковина встанет на первое место в сопряженном с вами ассоциативном ряду и забудет собой более значимые детали, способствующие вашей аутентификации.

– За-ши-бись, – досадливо протянул Федя. – Вы такие умные, что мне рядом с вами как-то даже неловко! В связи с этим у меня вопрос: если вы такие умные, почему не додумались натянуть на нас противогазы? Вон там на углу я видел старые «Эр-Ша – 4» с «хоботом», так вообще хрен кто узнает! И стоят раза в два дешевле этих вонючих тряпок.

– Замечательная идея, – одобрил я. – Если следовать Ленкиной теории, то после интервью будут искать двух уродцев в противогазах, а поскольку постоянно носить их мы не собираемся, то нам вообще можно забыть о розыске и преспокойно ходить на экскурсии во все подряд приглянувшиеся отделения милиции.

– Короче, дураки вы оба, – безапелляционно резюмировала Ленка. – Хорош резвиться, мерьте бегом свою мешковину, да поедem уже – время поджигает...

Честно говоря, до сего дня мне не доводилось принимать участие в интервью с преступниками – ни в каком качестве. Поэтому у меня были свои представления о местах, в которых эти мероприятия могут проводиться – основанные по большей части на впечатлениях, почерпнутых из кино.

Возможно, это мрачная пещера в удаленном горном массиве, с летучими мышами и светящимися в темноте голо-

вешками.

Возможно, покинутое ранчо в пустыне с гремучими змеями и иссохшимися буйволиными черепами.

На худой конец – огромный заброшенный цех в промзоне, с выбитыми стеклами и частично сорванной крышей – в пригородах столицы таких сооружений более чем достаточно.

Увы мне, увы – уже не в первый раз простоватая аморфная реальность не срослась с моим суровым и жестоким кинематографическим опытом.

Мы подъехали к Клыкастому Бульвару, оставили машину на стоянке и, распахнув тяжеленные антикварные двери, вошли в просторный вестибюль компании «HREN-TV».

В вестибюле крепко пахло Советским Союзом: знаете, такое непередаваемое сочетание ароматов вековой пыли, тихо осыпающейся со старых знамен, типографской краски, табачного дыма, чищенных ваксой сапог и слабого раствора хлорки, которым регулярно промывают древние мраморные колонны, крепко потертые десятками тысяч спин сотрудников – просителей – посетителей и прочих ожидателей.

Бдительный охранник нас не пустил – оказывается, пропуска нам и не думали выписывать, – но милостиво согласился доложить о прибытии.

Спустя несколько минут со стороны лифтового холла приплыло прелестное создание примерно Ленкиного возраста: взъерошенная девица с большими печальными глазами и

смутно знакомым миловидным личиком.

– Ирина, – представилась девица, по-свойски обчмокавшись с Ленкой, и, уловив муку припоминания в моем смятенном взоре, напомнила: – Я у вас репортаж снимала, про вашего замечательного судью.

А, ну да, это та самая Ленкина подружка из правильной семьи: журфак – престижное агентство – удачное замужество...

Или незамужество?

В общем, не знаю: Ирина училась в одной группе с Ленкой, была чем-то на нее похожа, и этого вполне хватило, чтобы она понравилась мне с первого взгляда. Не будь я сейчас в столь бедственном положении, непременно попробовал бы пообщаться с нею более предметно. Знаете, показалось мне, что она смотрит на меня с каким-то особым интересом – и вовсе не в связи с профессиональной деятельностью. Если в связи с профессиональной – Федя в этом плане гораздо более колоритная фигура. Харизматичный богатырь, видный мужчина и все такое прочее.

А она больше внимания уделяла мне – и это наводило на определенные мысли.

Поднявшись на второй этаж, мы направились к студии, двигаясь по узким темным коридорам, больше похожим на лабиринт средневекового готического замка.

Во время этого короткого путешествия Ирина поведала нам, что этажом выше совсем недавно убили их коллегу,

который имел скверную привычку сообщать людям правду. Рассказывала она это тихо, замогильным голосом, словно в иносказательной форме предупреждала нас о какой-то неведомой опасности и при этом беспокоилась, что нас услышит кто-то посторонний.

– Опасная у вас работа, – подольстился я.

– Не опаснее, чем у вас, – Ирина обернулась и одарила меня теплым взглядом.

– Да ничего, мы привыкли, – я мужественно выпятил грудь. – Разница только в том, что вы в любой момент можете уволиться по собственному желанию, а мы – нет.

– Да, – приосанился Федя. – Это точно.

– Нас на эту работу приняли без нашего согласия, – продолжал витийствовать я, с удовольствием рассматривая фигуру шествующей впереди девушки. – И в контракт почему-то забыли внести пункт насчет увольнения. То есть оно вполне возможно – но лишь по одной-единственной причине...

– Ну все, п...ц – поперла патетика! – досадливо скривилась Ленка.

– Гхм-кхм... – смущенно намекнул Федя.

– Ой – оговорилась! – Ленка дурашливо прижала ладошки ко рту, мотнув при этом своей увесистой сумкой и больно ударив меня по локтю. – Пипец, конечно же – пипец, надо поменять словечко, если идет запись.

– Ты стала ругаться матом? – удивилась Ирина.

– Ты бы тоже стала, – желчно буркнула Ленка. – Ты и представить себе не можешь, что это такое: двадцать четыре часа в сутки находиться в компании тупоголовых мужланов, которые матом не ругаются – нет, они матом разговаривают, потому что иначе не умеют. Но это ведь не самое страшное, можешь мне поверить! Помимо этого, они постоянно воняют потными подмышками и грязными носками, ковыряются в носу, непрерывно чешутся, как бибизьяны, и вообще – ведут сугубо скотский образ жизни!

Мы с Федей переглянулись и синхронно пожали плечами. Да, иногда следует прислушиваться к тому, что говорят близкие, – можно узнать о себе много нового и интересного.

Студия меня разочаровала. Уж коль скоро нас привезли не в пещеру, а в такое солидное учреждение, я ожидал, что это будет огромный зал со всеми сопутствующими серьезному телевидению аксессуарами: кучей аппаратуры, яркими огнями софитов и взводом вышколенного персонала, который будет виться вокруг нас, как услужливый рой дрессированных мух.

Сэр? Не желает ли сэр кофе? Если желает – какого сорта и каким образом приготовленный? Не мешает ли свет, не попудрить ли носик, не испытываете ли напряжения перед столь ответственным мероприятием – если да, наши девушки моментально вам... Эмм... Оуэмм...

Нет, это меня слегка занесло – это, очевидно, в другом месте и другие девушки.

На самом деле это оказалась сравнительно небольшая комната (примерно пять на пять) с невысоким потолком и занавешенным светонепроницаемым материалом окном.

У окна стоял стол, освещенный двумя прожекторами, расположенными в противоположных от входа углах, вокруг стола – четыре стула, а прямо перед входом – тренога на колесах, очевидно, для камеры.

Больше в комнате ничего не было. Людей тоже не было – никто здесь нас не ждал.

– Присаживайтесь, – Ирина достала из-за светомаскировки пакет и сервировала стол: скоросшиватель с какими-то текстами, карандаши, бутылка воды и стопка пластиковых стаканчиков. – Тут один товарищ задерживается – чтобы времени не терять, пробежимся быстренько по вопросам...

В «пробежке» принимали участие одни дамы: быстро и деловито обсудили вопросы, что-то добавили, кое-что вычеркнули, немного поспорили, но без экспрессии, опять же – по-свойски. Я так понял, что эти вопросы будут задавать нам с Федей, но нас к обсуждению так и не пригласили.

Ну что ж: надеюсь, Ленка знает, что делает, и мы в решающий момент не сядем в лужу.

По окончании обсуждения Ленка посмотрела на часы и уточнила:

– Не поняла? Ты что, хочешь, чтобы я у тебя оператором поработала?

– Оператор будет, – пообещала Ирина. – Я Самойлова

пригласила.

– Олежку?

– Ага.

– Здорово! Сто лет его не видела.

– Ну вот и пообщаетесь заодно. Потом пойдем в одно местечко, вместе пообедаем.

– Насчет «пообедаем» – не знаю, у нас там мероприятие...

А на сколько договорились?

– Как и с вами – к одиннадцати.

– А уже пятнадцать двенадцатого...

– Ну ты же его знаешь.

– Это точно. Обалдуй – это не приобретенное. Это состояние души...

Через пару минут Ирине позвонили снизу – приехал какой-то коллега. Она пошла встречать, а мы на несколько минут остались одни.

– Что это за «Олежка»? – ревниво уточнил Федя.

– Однокурсник наш. Очень талантливый, но безалаберный. Вечно везде опаздывает и снимает не то, что надо, – тут Ленка хмыкнула с каким-то непонятным подтекстом. – И не там, где надо.

– В каком плане? – насторожился Федя. – Порнуху, что ли?

– Да успокойся, он не по этой части. Он стрингер, – пояснила Ленка. – Свободный художник. Работает сразу на несколько импортных и наших компаний. В штат никто не

берет, потому что разгильдяй.

– Ты же сказала, что он талантливый, – с не до конца выветрившейся интонацией ревности напомнил Федя.

– Ну да, – кивнула Ленка. – С одинаковым успехом может сделать сенсацию – и завалить самое простое задание. Такое у него бывало неоднократно. Он просто маленько с придурью, поэтому так и получается.

– Ну спасибо, утешила, – буркнул я. – Значит, интервью с нами будет делать придурковатый стрингер? Какой замечательный сюрприз!

– Да успокойтесь вы, все будет нормально. От него тут ничего не зависит, интервью делает Ирка, он только снимает. А у нее все всегда получается как надо.

– Ладно, поглядим, как у вас все получится. Вопросы, кстати, можно было бы посмотреть, экспромт – это, конечно, здорово, но...

– Так задумано, – отрезала Ленка. – Не волнуйтесь, вопросы нормальные, все по теме. Отвечать будешь в основном ты, Феде вообще можно молчать, достаточно того, что будет важно сидеть и излучать харизму. Короче – великий и ужасный.

– Вот это правильно, – одобрил Федя. – Нет, я не в том плане, что боюсь что-то ляпнуть. Просто на камеру – как-то оно того... Не того...

– Поболтать – не проблема, – не переставал сомневаться я. – Я только не понял, почему именно экспромт? Это что,

принципиально?

– Слушай, ну это же азы! – снисходительно объяснила Ленка. – Это чтобы интервью получилось живое: чтобы видна была работа мысли, чтобы ты раскрылся во всем своим блеске и великолепии. Неужели непонятно? Ну кому будет интересно слушать заранее заготовленные, отрепетированные штампы? Расслабься, отпусти себя, валяй наотмашь – у тебя все получится! Вопросы хорошие, если не будешь зажиматься, у вас получится очень эмоциональный диалог на грани спора – скорее диспут, чем милая беседа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.